

ДВЗКСМС 66,75 (2)7
А65

В. АНДРИЯНОВ

КРАЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ- НАШ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

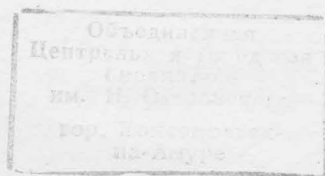

В. АНДРИЯНОВ

КРАЙ
КОМСОМОЛЬСКИЙ
НАШ ДАЛЬНИЙ
ВОСТОК

Книга
в девяти путешествиях
и портретах

337896

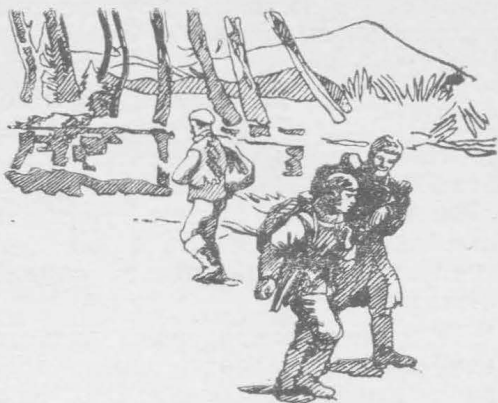
МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1978

ЗКСМ5
А65

А $\frac{70302-168}{078(02)-78}$ 019-77

© Издательство «Молодая гвардия», 1978 г.

Знакомство

Есть на дальневосточной земле, в том месте, где океанские волны набегают на невысокий песчаный берег, скромный столбик с надписью: «ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ РОССИЯ».

Отсюда берет свой разбег трудовой день страны.

«Это граница самого большого материка Старого света, побережье самой большой океанской границы, граница самой большой страны — Советского Союза».

Так объемно, весь во власти любви к Дальнему Востоку, увидел этот край писатель и кинорежиссер Александр Довженко.

В наши дни на дальневосточный берег можно прилететь, приплыть, приехать...

«Девять суток надо, чтобы транссибирским экспресом добраться до Тихого океана, отмерив расстояние с запада на восток, равное почти одной трети окружности земного шара; надо преодолеть... Урал; потом спуститься в бескрайние хлебные прерии Сибири; с грохотом и звоном прорываться через забайкальские тоннели и наконец на несколько дней и ночей, окутавшись хвойной и пахучей тайгой, как синим, мягким и теплым шарфом, пролететь по этой светлой легенде — по Дальнему Востоку, чтобы вдруг остановиться над Золотым Рогом...» Такой была поездка на Дальний Восток в 30-е годы.

Обедая над облаками, ничему не удивляясь, мы летим сегодня за десять часов до Владивостока или Петропавловска... если Аэрофлот не засадит на несколь-

ко дней в забитом круглосуточно, зимой и летом, в летнюю погоду и в ненастье, Хабаровском аэропорту.

Внизу как на ладони лежат горы, петли рек. Серые склоны нахлобучили папахи белых вершин. В долине серебристым котенком свернулось озерцо. Хребты, равнины, реки... Ни жилья, ни дымка. Только тени выписаны на склонах. Такие графически чистые и прекрасные тени, что говорить о них не словами, а только красками. Тени тянутся за самолетом и, не поспевая, отстают.

К концу полета, через пятьсот километров после кварталов Хабаровска, после простора Амура, видишь внизу первые коробочки. Это Чегдомын! Центр Верхнебуреинского района Хабаровского края. Я обрадовался ему как родному, хотя раньше, признаюсь, даже не слышал о таком поселке — сколько их в России! — и толкнул дремавшего соседа. Парень потянулся к иллюминатору.

— Прилетели? Ну, приходи к нам на шахту. Или домой, вот адрес...

Для моего спутника, комбайнера шахтоуправления «Ургальское», это был самый обычный полет — возвращение из отпуска домой. Он послушал стюардессу («В Чегдомыне минус тридцать три») и раздумал доставать шапку из чемодана.

— Разве это мороз? Доеду и так.

В деревянном аэропорту, пока подошел автобус, попутчик, возвращаясь к нашему дорожному разговору, снова завел речь о своей бригаде, о шахте. В какой-то связи назвал фамилию председателя шахткома: «Шароваров». Что-то знакомое толкнулось в памяти, вспомнился сокурсник по горно-обогатительному (теперь индустриальному) техникуму в Донецке: был у нас Валька Шароваров, парень с фигурой атлета тяжелого веса. Я непроизвольно развел руками, и мой новый знакомый улыбнулся:

— А ты его откуда знаешь?

...Вернувшись с БАМа, я перебрал старые снимки. Практика в Горловке на обогатительной фабрике «Комсомолец», занятия в чертежном кабинете, выпуск...

«В разных краях оставляем мы сердца частицу...»

Вот уж правда — в разных: на одной стороне карты Донбасс, на другой, у синей кромки океана, — Дальний Восток. Два моих края как два крыла. Можно ли сказать, какое дороже?!

Через годы они уносят меня в Донбасс, в Донецк, к родному порогу. Там в кольце высоких глазастых башен островок одноэтажных улиц, обрамленных палисадниками. Островок нетающей памяти.

Научившись читать, я по слогам складывал название своей улицы: До-мен-ная. Домны, давшие имя улице, видны из окон нашего дома. Поднимались у нас во дворе по гудку металлургического завода — зычному, басыстому, рабочему. Он и сейчас, когда упразднили заводские гудки, трижды в день раскатывается над Донецком. С индустриальным обликом Донбасса входил в наше сознание образ Родины. Мы искали куски породы с отпечатками растений тех немыслимо далеких эр, когда солнце еще только выпекало уголь. Порой улыбалась удача: на терриконах, глеях, как называют их в Донбассе, среди породы, выброшенной из-под земли, находили камень с отпечатком перепончатой веточки папоротника. Цветок подземелья. По рыжим склонам, обходя выгоревшие провалы и редкие пятнышки жесткой травы, неведомо как прижившейся здесь, мы добивались до самой макушки.

С округлой, сглаженной ветрами вершины старого отвала хотелось потянуться на цыпочках за горизонт. Что там дальше?

Выпуску Донецкого горно-обогатительного техникума, в котором я учился, страшно повезло. Мы могли выбирать свой будущий адрес по всей стране: Урал, Сибирь, Казахстан, Приморье, Сахалин... После, говорят, такого раздолья не было.

Мне досталось Приморье, Артем, шахта 6—6-бис. Валентину Шароварову — Приамурье, Чегдомын. С тех пор он на востоке. Обзавелся семьей. Растит двух детей. Все такой же неохватный, внушительный, монументальный. Полюбил морозы. Приезжая в Донбасс, на запад, как говорят все дальневосточники, киснет от слякотной донецкой погоды. И торопится поскорее на восток. Домой. Понять его можно...

У меня хранится толстая тетрадь, в которой мы писали на память друг другу перед дальней дорогой что-то вроде пожелания доброго пути. Иногда я откры-

ваю ее, нахожу страницу, исписанную быстрым почерком моего студенческого товарища.

«Пройдет пять или десять лет, и мы обязательно встретимся, — писал Валька Шароваров в моей тетради. — Сейчас эта встреча кажется несбыточной, но я верю в нее, как верю в наши идеалы. Почему я говорю «наши»? Потому что все ребята, как я вижу, мечтают о большем. И мне тоже хочется, как говорят, найти свое место в жизни. Нужно оставить что-то значительное на нашем Дальнем Востоке, в моем Чегдомыне, в твоём Артеме».

Время по-своему распоряжается судьбами. Через десять лет я летел на Дальний Восток по командировке «Комсомольской правды». Моя журналистская тропа пересеклась с рабочей тропинкой моей юности. Я надеялся непременно встретить в Артеме, на шестой шахте, своих товарищей — Колю Потербу, Витю Каткова, Юру Корнева, Сашу Гаврика...

Встретил не всех. Витя закончил политехнический. Говорят, работает на Крайнем Севере. Юра тоже учился и тоже забрался в какую-то новую глубинку. Саша — на ударной стройке в Лучегорске, возводит ГРЭС и город.

У клуба подхожу к стенду «Лучшие люди шахты». Подписей под фотографиями почему-то нет. А может быть, они и ненужны. В рабочем коллективе мастеров своего дела по имени-отчеству знают, не то что по фамилии. Среди чужих лиц, парадно-напряженных, глядящих прямо в объектив, вдруг вижу знакомое. Скуластое лицо. Широко посаженные, чуть прищуренные глаза. Кажется, вот-вот они улыбнутся. Ну, конечно, — Коля Потерба!

Коля пришел к нам, в «образцовое общежитие № 2» города Артема, в солдатской форме без погон, со стопкой книг, перетянутых широким ремнем. Едва поздоровавшись, спросил о вечерней школе: далеко ли? Школа была через дорогу. Он работал на проходке и учился в десятом классе. Все в нем внушало надежность и основательность. Его невозмутимая, неспешная натура. Пристрастие к технике и природе. Оно не пробежало по его жизни временным, торопливым, бегом, а было долгим, как внимательный, пристальный взгляд умного, сосредоточенного человека. Индустриальный рабочий, он знает каждый винтик в горном комбайне. Таежник,

он назовет любое деревце в тайге... Как-то раз жена уговорила его поехать в дом отдыха. Поехал. И через десять дней сбежал. В тайгу. Ночь под звездами, тропа, известная ему одному, — вот его отдых.

Гости любят подбрасывать дальневосточникам «коварный вопрос»:

— А на запад ты бы хотел переехать?

Я слышал, как отвечал на этот вопрос Николай Потерба.

— Что мне запад? — в своей неторопливой, рассудительной манере говорил он. — Все мое здесь... — И замолкал, подходя к окну... По асфальтовой тропинке, обсаженной кленами — память давних наших субботников, — шла ночная смена. Чуть слышно гудел, нагнетая под землю воздух, вентилятор. Далеко за терриконами, за подпиравшими горизонт сопками падало солнце. Только что висел полный круг. Вот повисла половинка, мелькнул узенький краешек. Будто ничего и не было. Облака над поселком потемнели. А над горами, за которые упало солнце, еще прозрачны. Невидимые лучи просвечивают их насквозь...

— Знаешь что? Отпуск скоро, поехали в тайгу, на Мартынову Поляну.

Я не ответил. Засмотрелся на закат. Задумался об особенностях непростого Колиного характера... Вот стоит сейчас у окна, про тайгу что-то рассказывает, про эту самую Поляну, а в книжном шкафу в красной коробочке лежит орден Октябрьской Революции. Его орден. И он об этом ни гугу...

— Почему о награде не написал? Так бы и не узнал...

— Я ведь писал: шахта работает. — Коля недоумевающе посмотрел на меня: что, мол, тебе еще нужно?! Помолчал. — У людей вон, — он кивнул куда-то в сторону, — закрывают. Выработалась, говорят. Все вы брали.

Да, угольные пласты не бездонны. Приходит время, и из земли выбирают все, что она запасала миллионы лет. Умом понимаешь это, а поверить не можешь. Не веришь, что пробьет час и твоей шахте.

Рядом с ней белым цветом цветут яблони-дички. Мальчишки гоняют на велосипедах под окнами. Они приняли мир таким, каким увидели его с пеленок: с

этой нешумной улицей, большим поселком, шахтой на окраине. Наверное, попозже Коля расскажет сыну, что не всегда здесь был поселок, не всегда стояла шахта. Вспомнит первых поселенцев рудника Зыбунного, вспомнит, как выхаживали комсомольцы парк, как спасали шахту.

Предстоял выбор: переезжать всем поселком к новой работе или дать поселку работу здесь, на месте? На шахте нашли третий путь: продлить жизнь рудника.

Мой товарищ хотел «оставить что-то значительное на нашем Дальнем Востоке». Самое главное мои товарищи и оставили — возрожденную шахту.

Так в те годы входил в мою жизнь Дальний Восток — сначала одним горняцким городком, потом всеми своими просторами, историей, сказами об открытиях Хабарова и Пояркова, о стойкости Албазина, старинной русской крепости над Амуром, песнями о Волочаевке и Спасске...

Когда из окна поезда, уже неделю бегущего по Транссибу, впервые видишь знамя над сопкой, не сразу веришь, что это знаменитая песенная Волочаевка. «Вообще-то, называется сопка Июнь-Корань, — непременно пояснит кто-нибудь из попутчиков. — А Волочаевской ее называли по имени села. Красный флаг над Волочаевской словно над всем Дальним Востоком, краем нашеньским, краем родным».

Посмотрите на карту: вдоль Амура и Уссури, от Хасана до Чукотки по берегам пяти морей раскинулся этот край, восточный рубеж нашей Родины. Наш Дальний Восток. Для тех, кто любит точные цифры, отмечу: это 14 процентов территории Советского Союза*. Исконно русская земля. Исследуя ее, русские люди, как писал А. П. Чехов, совершали изумительные подвиги, за которые можно боготворить человека. Дальновидные исследователи, оценивая тогда же роль Дальнего Востока, утверждали, что здесь России «открыто обширное поле для широкой и блестящей будущности»

Летом 1923 года, первым мирным летом Советской страны, на Дальний Восток приехал Михаил Иванович Калинин.

* Дальний Восток. Экономико-географическая характеристика. М., 1966, с. 7.

— И перед всей республикой, в частности, и перед вами, перед жителями Дальнего Востока, — говорил он в одном из выступлений, — стоит задача — эту часть советской территории, которая поливалась бесконечным народным страданием в течение целого ряда столетий, — эту страну изгнания превратить в страну радости... *

«Страна изгнания» оживала буквально на глазах. С первой же пятилетки Дальнему Востоку планировался самый высокий в стране рост основных фондов промышленности — 830 процентов **. Но и эти темпы казались недостаточными. И Президиум ВЦИК и СНК РСФСР приняли решение ускорить социалистическую реконструкцию хозяйства и культурное строительство в Дальневосточном крае, особенно на северных его окраинах, ускорить заселение края.

За годы первой пятилетки молодая социалистическая страна вложила в капитальное строительство на Дальнем Востоке больше средств, чем царское правительство за 80 лет ***.

С первых же лет строительства социализма подъем Дальнего Востока стал делом всенародным. В 1932 году со страниц «Комсомольской правды» прозвучал знаменитый призыв: «Тихоокеанский форпост социализма строит весь комсомол!» Только за первые две пятилетки на Дальний Восток из центральных районов страны приехали сотни тысяч молодых энтузиастов.

Дальний Восток по праву стали называть краем молодежным, краем комсомольским. С того памятного дня, когда с пароходов «Коминтерн» и «Колумб», спустившихся по Амуру, еще загроможденному тающим льдом, ступили на дальневосточную землю первые комсомольцы-строители, и до сегодняшнего, наполненного грохотом большой стройки, эту землю именуют землей молодости.

В июле 1932 года пущен первый лесозавод. В декабре село Пермское преобразовано в город Комсомольск-на-Амуре. В январе 1935 года началась прокладка же-

* Речи М. И. Калинина на Дальнем Востоке. Чита, 1958, с. 14.

** Г. А. Унпелев. Социалистическая индустриализация Дальнего Востока. Владивосток, 1972, с. 83.

*** Там же, с. 286.

лезнодорожной линии от Хабаровска до Комсомольска-на-Амуре. В феврале 1942 года завершилось строительство металлургического завода «Амурсталь».

Затем пошли в рост многоэтажные дома, серии культурно-бытовых, медицинских и детских учреждений, вузы, театры, стадионы...

Сейчас Дальний Восток добывает руды и уголь, ловит рыбу, варит сталь, строит суда и сложнейшие машины, выращивает пшеницу и рис, изучает звезды, вулканы и морские течения...

За всем этим неустанный труд дальневосточников, среди них подавляющее большинство — молодежь, которая, как образно сказал товарищ Л. И. Брежнев на XVIII съезде ВЛКСМ, «...согревает климат этих мест теплом своих преданных сердец».

Донбасс — Ургал

Донбасс провожал первый отряд на БАМ. От станции к станции летел скорый поезд. Донецк, Макеевка, Ясиноватая, Горловка... Отовсюду, со всего шахтерского края, были пассажиры в этом поезде. И на каждой станции, даже самой маленькой, на перрон выходили родные, друзья и товарищи, знакомые тех, кто уезжал на восток, и совсем незнакомые, кому хотелось проводить земляков, просто взмахнуть рукой: добрый путь!.. Где-то за Горловкой, когда уплыли назад вековые терриконы, по окнам ударил — к счастью! — крупный дождь. Состав блестел теперь той чистой зеленью, какой блещут омытые дождем деревья. Громадные белые буквы на вагонах сливались в быстрые слова: «Встречай, БАМ, посланцев Донбасса!»

В эти самые дни с многочисленных вокзалов страны провожали комсомольцев родители, товарищи, сослуживцы... Казалось, время повторило кадры киноленты, сохраненные историей. Но не во внешних приметах, а в том единственно вечном стремлении молодости созидать, утверждая себя и правоту доверенной отцами трудной работы. Как в далеком тридцатом, когда молодежь по призыву партии, оставляя обжитые края, уезжала на строительство первого комсомольского города, так и сегодня едут на Дальний Восток посланцы комсомола семидесятых, потому что там нужны молодые сильные руки, там сегодня передовая линия очередной пятилетки страны.

Ушел экспресс «Донбасс» к другому краю карты. К обозначенной маленькой точкой станции Ургал. В его вагонах 318 моих земляков, строителей БАМа. Дома они оставили конверты со своим новым адресом (кон-

верты специально для отряда отпечатали в местной типографии): Хабаровский край, Верхнебуреинский район, станция Ургал-2, Укрстрой.

Едва ли не все в поезде слышали впервые название этой таежной станции. А хотелось узнать хоть что-нибудь еще до встречи с ней. Большая Советская Энциклопедия, том 44, сообщала об Урге (старое название Улан-Батора), рассказывала об Ургенче (старое название Хорезма)... Между ними быть бы Ургалу. Но Ургала в объемистом томе не нашлось.

Мы ходим по жизни и совершенно не знаем, писал Константин Паустовский, сколько величайших трагедий, прекрасных человеческих поступков происходило и происходит на любом клочке земли, где мы живем... А между тем знакомство с каждым таким клочком земли может ввести нас в мир людей и событий, достойных занять свое место в истории человечества или в анналах великой, немеркнувшей литературы.

Мир людей и событий, достойный памяти, открывает и Ургал, клочок холодной таежной земли, станция на ветке от Транссиба к БАМу. На эту не замеченную историей станцию люди привели первый состав 7 ноября 1941 года. В тот день в Москве был военный парад. С Красной площади войска уходили на фронт. Здесь, далеко от Москвы, фронтом было строительство железной дороги. Я читал документы стройки — их тщательно подобрал первый секретарь Верхнебуреинского райкома партии В. И. Луночкин, — и в моем сознании сливались грохот танков по главной площади страны и перестук колес, первый крик паровоза над безвестным поселком, над удивленной тайгой. Дорога возвестила миру о своем рождении.

Чтобы как можно быстрее открыть движение, рельсы проложили по временным обходам больших рек и перевалов. От Ургала живая нить дороги тянулась дальше на восток, к Комсомольску. Магистраль открывала стране «второй Кузбасс» — так называл Буреинский угольный бассейн знаменитый командарм Особой Краснознаменной Дальневосточной армии В. К. Блюхер.

Служил в армии Блюхера красный офицер Иван Луночкин. Наверное, от него унаследовал сын любовь к Дальнему Востоку. С детских лет ему памятни песни

о славной Дальневосточной армии, о трех танкистах — они и сейчас самые любимые. О своем районе Владимир Иванович Луночкин знает, кажется, все. Не надеясь на память или желая подкрепить свои слова документами, достает отчеты партийных съездов с отчеркнутыми красным карандашом абзацами, расстилает на столе карты...

— Вот смотрите... Еще на Семнадцатом съезде партии Блюхер говорил об освоении нашего угольного бассейна, о строительстве дороги от Байкала к востоку. Он называл эту работу стержнем, «вокруг которого будет разворачиваться вся программа дальнейшего социалистического освоения Дальневосточного края». А программа была захватывающей. Она опиралась на фундамент первой пятилетки. Рядом с раздвинувшим тайгу Комсомольском виделись новые города, в бухтах — порты, новые совхозы на пустынных пока землях, свои дальневосточные шахты в Артеме, Партизанске, Ургале. На помощь дальневосточникам приехали донецкие шахтеры. Новоселов испытывали не только недра, но и сама дальневосточная земля. Выдержка и стойкость донбасских горняков особо проявились в труднейшей борьбе с наводнением. Вот свидетельство очевидцев — авторов документального сборника «Наводнение 1928 года в Дальневосточном крае», изданного в Хабаровске буквально по следам событий: «Нельзя обойти молчанием участие в борьбе с наводнением рабочих Донбасса. Целый эшелон донбасских товарищей был задержан водой в дороге. Они показали яркий образец самоотверженности и сознательности... Работали без усталости, работали не останавливаясь и прекращали работу лишь тогда, когда их сваливала с ног смертельная усталость или сон».

Такое не должно забыться. Мужественный эшелон, быть может, первый эшелон добровольцев, достоин нашей памяти.

Никогда раньше далекая окраина не встречала столько молодых новоселов.

Стенограммы IX съезда ВЛКСМ сохранили страстные слова Александра Косарева о Сибири и Дальнем Востоке. «Кому придется шагать туда? — говорил он. — Разумеется, нам — молодежи. Разумеется, комсомольское племя будет заселять этот край, в лесах будет со-

здавать передовую культуру, строить дома, гиганты заводы» *.

Молодому читателю, возможно, мало что скажут выражения: в счет «1200», в счет «500», в счет «6000»... А это цифры первых комсомольских мобилизаций на восток. Не призывов. Мобилизаций. Или точнее: само-мобилизаций. Именно такое суровое и требовательное слово было тогда в ходу. Вчитайтесь в строки дневника одного из комсомольцев 30-х годов, шахтера Володи Молодцова:

«Сердце вот так и рвется куда-то далеко, далеко ввысь, к звездам и месяцу, чтобы вместе с ними увидеть эту грандиозную ширь Союза Советских Республик, охваченных невиданным энтузиазмом борьбы за социализм. Как хорошо чувствовать себя частичкой великой стройки. Ведь никто же не мобилизовывал нас на ликвидацию прорыва. Мы сами мобилизовались».

Было тогда Володе Молодцову, в будущем Герою Советского Союза, одному из вожakov Одесского подполья во время Великой Отечественной войны, девятнадцать лет. В строках своего дневника он словно спрессовал чувства поколения. Сжатые, как боевые донесения, приходили в ЦК рапорты комсомольских комитетов:

«Из Москвы в Хабаровск выехали мобилизованные комсомольцы в количестве 400 человек». «Из Смоленска выехали 450 комсомольцев». «Из Нижнего Новгорода выехали мобилизованные комсомольцы Нижегородской области».

В то время рабочий класс Дальнего Востока был сравнительно малочислен — около 10 процентов всего населения края. Это сказывалось, конечно, и на социальном составе комсомола. Организация была в основном крестьянской — 65 процентов выходцев из села.

Полнее представить дальневосточный комсомол двадцатых годов помогают документы тех лет. На первый дальневосточный съезд РКСМ в мае 1921 года собрались в Читу 80 делегатов. Большинству 15—20 лет. Несмотря на молодость, 50 из них — коммунисты, половина — бойцы гражданской войны и партизаны. Образование... Лишь у троих среднее. У остальных — начальное и, как писали в анкетах, «домашнее». Науку еще предстояло штурмовать. После Волочаевки и Спасска.

* IX Всесоюзный съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет. М., 1931, с. 56.

80 делегатов съезда представляли почти 26 тысяч комсомольцев.

С молодым пополнением дальневосточный комсомол рос не только количественно, но и качественно. Приезжали товарищи с опытом Магнитки, Днепрогэса, Харьковского тракторостроя, обогащенные практикой комсомольского шефства над социалистической индустриализацией. С их помощью комсомол Дальнего Востока набирал новую высоту.

* * *

Нарушу немного последовательность рассказа. Самой собой напрашивается здесь сопоставление с нынешним днем.

Чем живет сегодня дальневосточный комсомол? Ядро его ныне составляют молодые рабочие. Они трудятся в одном пролете, или на одном участке, или в одной бригаде. Они — комсомольская группа, ячейка, как говорили раньше. Самое малое и самое главное звено комсомола. Силой этих звеньев силен комсомол. Об одной из комсомольских групп прославленного Дальзавода я расскажу с помощью самих ребят, рабочих двух комсомольско-молодежных бригад. Все слесари-монтажники. Стаж — от нескольких дней до нескольких лет. Разряд второй-третий. Образование в основном среднее. Пятеро учатся в институтах, двое — в техникумах. Так что иногда говорят: образование у группы «начатое высшее».

А теперь обратимся к приказу по заводу. «В соответствии с решением комсомольского бюро цеха считать бригады тт. Жигалина и Павлова комсомольско-молодежными. Начальникам участков не расформировывать эти бригады без согласия комсомольского бюро».

Нужно ли говорить, как велика ответственность дизелистов? Суда выходят в далекие трудные рейсы, и каждый рейс испытывает их прочность, а значит, и тех, кто ее обеспечивает.

«...двигатель будет работать четко и бесперебойно с гарантийным сроком пять тысяч моточасов», — сказано в техническом паспорте, выданном бригадой В. И. Жигалина китобойной базой «Советская Россия».

— Работаем по дизелям — ремонт, испытания и сдача тяжелых корабельных машин, — рассказывает Василий Игнатьевич Жигалин, ветеран Дальзавода, депутат

краевого Совета. — Несколько лет назад выдали первый гарантийный паспорт. Взяли на себя большую ответственность, а это главное в нашей работе. С ней придет и стремление к знаниям, и профессиональная гордость.

Многие воспитанники Жигалина, по его словам, давно обошли своего бригадира: стали инженерами, мастерами, конструкторами. Вот и эти подрастают: еще семеро скоро окончат институты и техникумы. Не все по судовым двигателям. Но кем бы ни стали они, будут помнить радостное бригадирское при очередной победе «Есть в этой бригаде слесаря!» и раздосадованное при неудаче «Есть в этой бригаде слесаря?».

— Как-то бригадир заметил ошибку в одной операции. Кепку в сердцах наземь, прямо на полу формулы мелом пишет.

«Поняли?» — спрашивает.

«Поняли», — отвечаем.

Отошел он. Но видим: наблюдает за нами, — рассказывает И. Лебединец.

— «Ты понял? — спрашиваю напарника. — Нет? Ну, давай закурим». Пока перекуриваем, бригадир не подойдет. Такой порядок. Через несколько минут еще по одной закурили... В общем, успокоились, подумали и разобрались... Ну а когда у самих не получится, он подскажет. У Василия Игнатьевича практика богатейшая. Никто так, как он, неотрегулирует машину.

— По дизелям он прямо-таки профессор, — добавляет комсорг цеха С. Нищета. — И нам еще многому надо учиться у него. Учиться знанию техники, отношению к людям. Научит. Для этого он и наставник. Да и слесари высокой квалификации всегда охотно помогут новичку. Часть этой дружной бригады — наша комсомольская группа. Ее коллектив не замыкается в себе. Влияние группы расходится концентрическими кругами: комсомольцы, вся молодежь бригад, подшефные школьники.

— Мне нравится, как работают ребята, — рассуждает Геннадий Петренко, слесарь-монтажник, партгрупорг. — Сдают машины с первого предъявления. Шефствуют над подростками по месту жительства. Помогают новичкам в бригаде. Словом, отлично работают, учатся, сознательно выбирают и выполняют свои общественные поручения.

Это портрет лишь одной комсомольской группы Дальзавода. Насколько он типичен? На заводе 126 ком-

сомольских групп. С этой их объединяет ответственность за воспитание молодежи, активность в решении насущных вопросов ее труда, учебы, быта, досуга.

* * *

Комсомольцы-дальневосточники сделали главной своей обязанностью активно вмешиваться в простые и непростые судьбы ровесников, с тем чтобы помочь им стать сильнее, тверже, закаленное и вместе с тем отзывчивее и добрее. Все это роднит их с первыми, с комсоргами 20-х годов. Наше поколение помнит трудовой подвиг тех, кто начинал, хранит их имена.

В архиве «Комсомольской правды» есть папка с номерами газет размером в лист писчей бумаги. Это издания выездной редакции «Комсомольской правды» — первой пославшей собкора на Дальний Восток. Ломкие страницы берегут жар давнишних комсомольских походов — за уголь, за рыбу, за лес. Пятого июня 1932 года вышел специальный, дальневосточный номер «большой» «Комсомолки».

«Весь Ленинский комсомол строит дальневосточный форпост СССР!» — вот лозунг, который должен быть превращен в конкретные дела», — писала газета в передовой статье «ДВК ждет нашей помощи». И дальше двигала конкретную программу шефства. На востоке «возникают новые отрасли промышленности. Им надо передать опыт... угольным районам — опыт Донбасса, Сахалину — опыт Баку. Урал обязан передать ДВК свой опыт промышленного строительства».

В том же номере «Комсомольская правда» опубликовала статью генерального секретаря ЦК ВЛКСМ А. В. Косарева «На вас смотрит весь Союз». «...дальневосточный комсомол, — писал он, — должен быть своеобразной организацией нашего союза, которая на примере своей работы показывала бы, как нужно повседневное социалистическое строительство сочетать с задачами укрепления обороноспособности Советского Союза». Незадолго до этого, в январе 1929 года, ЦК ВЛКСМ принял постановление «О состоянии Дальневосточной организации ВЛКСМ».

Тихоокеанский форпост социализма на деле становился заботой всего комсомола.

Рядом с забойщиками Артема и Партизанска вруба-

лись в пласты горловские и макеевские углекопы. Бакинские нефтяники бурили первые сахалинские скважины. Мастеровые Свердловска и Челябинска учили поднимать большие стройки.

Золотое пополнение.

Третьего ноября 1932 года бюро Сахалинского окружкома ВКП(б) в специальном постановлении отметило, что «основная масса комсомольцев, мобилизованных ЦК ВЛКСМ на Сахалин в счет «1200», а также мобилизованных Далькрайкомом ВЛКСМ в счет «500», являлась цементирующим и организующим звеном в рабочей массе основных отраслей промышленности острова...»*. Комсомольцев по праву называют «пионерами освоения острова, его первыми энтузиастами. Если в 1928 г. на о. Сахалин насчитывалось всего 100 комсомольцев, то в 1932 г. — 3,5 тысячи человек»**.

Строители Комсомольска и Спасска, бойцы лесного и рыбного фронта, хетагуровки... На пленуме Дальневосточного крайкома партии в марте 1934 года говорили о комсомольцах так:

«...они в совершенно убийственных условиях, съедаемые гнусом в болоте, боролись с тайгой и победили ее. Они на своих плечах перенесли все тяготы первых времен строительства».

По мобилизации в счет «6000» на Дальний Восток приехали 6776 комсомольцев. Кто-то из них еще в ту пору называл себя строителем БАМа. Передо мной редкостный, быть может, единственный номер газеты. Она называлась «Бамовец» и выходила на строительстве Байкало-Амурской магистрали в 1932 году. В тоненькой картонной папке, доставленной из хранилищ Ленинской библиотеки, лишь один номер — четвертый. Он вышел седьмого ноября. Он обещал, что с ноября месяца «Бамовец» будет выходить регулярно один раз в шестидневку. Но нет в подшивке больше номеров. Только четвертый.

Двухполоска малого формата... В день 15-й годовщины Октября она призывала: «Да здравствует грядущий мировой Октябрь». Она звала в ударные бригады. Она утверждала: проложим стальные рельсы БАМа.

* Социалистическое строительство на Сахалине. 1925—1945 гг. Сборник документов. Южно-Сахалинск, 1967, с. 166.

** Г. А. Унпелев. Социалистическая индустриализация Дальнего Востока. Владивосток, 1972, с. 174.

«Бамовец» рассказывал о том, как работают перво-проходцы.

«10 ноября общее собрание работников связи выносит единогласное решение: построить мастерские к 15-й годовщине Октября. Бригада деревоотделочников выдвинула встречный план: окончить плотничные работы к 1 ноября.

Сегодня мы можем доложить, что взятые на себя обязательства выполнили полностью».

«На постройку мастерских было отпущено по рабсиле 3668 рублей. Затрачено на рабсилу 2770 руб. 93 копейки и выполнено работ штурмовым порядком на 665 руб. Таким образом всего затрачено 3435 руб. 93 коп.

Всего в порядке штурмовой работы выработано 972 ч.

Треугольник сектора связи:

Дерендяев, Михайловский, Рушниченко».

«Совещание при парторге, заслушав рапорт треугольника сектора связи, считает, что коллектив связи с честью выполнил обязательства по постройке мастерских, взятые им к 15-летию Октябрьской революции, чем поставил себя в передовые ряды ударников — строителей БАМа».

«Бамовец» напоминал о совсем близких в ту пору боях с интервентами. Бывший партизан, начальник штаба Приамурской дивизии Николай Ловцов вспоминал о таежном переходе: «Из Верхнеудинска к партизанам Забайкалья и Амура, в армию Серышева, Верхнеудинск послал 200 лучших командиров, бывших организаторов Красной гвардии и сибирских партизанских отрядов.

Где пешком, где на коленях, но план в 60 километров зачастую перевыполнялся». Люди валились с ног, но по тайге, где сейчас изыскатели БАМа намечают трассу, там, где нет селений, в 1920 году прошли 200 партизанских командиров и все до одного явились в штаб Серышева... Теперь по тем местам, где проходили партизанские отряды, ложится трасса Байкало-Амурской магистрали. Еще несколько лет, и вместо заброшенных партизанских зимовий по тропам, известным в прошлом партизанам, протянутся рельсы, задымят паровозы, трубы фабрик и заводов великой социалистической страны.

Поколение первых комсомольцев. Оно мобилизовало

себя на ликвидацию прорыва, шло в штурмовые батальоны, ехало на Дальний Восток устанавливать Советскую власть, брало на буксир вековую темноту и отсталость.

Время, естественно, расставляет новые акценты. Наш современник едет к океану строить гигантские заводы, новые города, выращивать рис, ловить рыбу, на далекой новостройке пробивает бригадный подряд...

И все же — присмотритесь! — как он похож на сверстников Володи Молодцова. Вот его исповедь — письмо строителя Байкало-Амурской магистрали, электросварщика Ивана Бузилова:

«Добрый день, «Комсомолка». Я работаю на строительстве Шимановского комплекса стройиндустрии Байкало-Амурской магистрали. Основную задачу мы выполнили: сдали ряд корпусов завода в эксплуатацию. Теперь есть на БАМе свой завод, построенный руками молодых добровольцев. Скоро отсюда пойдут поезда с железобетонными конструкциями.

Посланцы XVII съезда ВЛКСМ хорошо подготовили здесь фронт работ. А наш поезд № 585 создали летом 1975 года. Каждый день приезжали студенческие строительные отряды из многих городов. Это было счастливое для меня время. Здесь я встретил настоящих романтиков, которые взяли с собой в дорогу «Алые паруса» Грина, не оставив их пылиться на книжных полках. Может, кто-то скажет с иронией: «Не то заливаешь, парень». Видишь ли, «Комсомолка», некоторые считают, что нет такого чувства. Мол, «за туманом» едут только чудаки. Жестоко ошибаются они. Нет, я не воспеваю праздную романтику, когда люди мечтают, лежа в кровати, о дальних странствиях, попросту бездействуя.

Что, на мой взгляд и по мнению моих друзей, романтика? Ребята, с которыми я подружился, приехали со своими отрядами из Подмосковья и Перми, из Рязани и Ленинграда, из Брянска и Ярославля, из Омска и Тюмени. Всем хотелось лично внести свой вклад в строительство БАМа.

Стужа, грязь, слякоть, мороз. Ничто не могло сломить нас. Вечерами разводили костры и пели песни. Было очень весело и здорово.

Отпраздновали у нас в поселке и первые свадьбы, родились и первые дети. Выросли первые незабываемые

контуры улиц. Названия улиц у нас очень оригинальные. Когда работали ребята из МВТУ, они повесили плакат на свой домик, где были такие слова: «МВТУ, даешь Волю, Упорство и Мужество». Вот эти слова — Упорство, Воля, Мужество — вошли в названия улиц нашего поселка. Буквально каждый день и час на БАМе приносили новое. Не передать словами весеннюю картину здешней чарующей природы, когда только-только начинает зеленеть лиственница и горит розовым туманом багульник. Незабываемое зрелище!

По-моему, у нашей молодежи есть это прекрасное чувство романтики. Я сейчас спрашиваю у ребят, что они хотят делать... Ехать строить дальше, начинать все заново! Иной жизни они не представляют».

Будущее оказалось дальше, чем виделось с лесов довоенных пятилеток. Его отодвинула война. С новой дороги, от Ургала до Известкового, до самого Транссиба сняли рельсы. Они были нужны Сталинграду.

Время сровняло старую насыпь. Почти незаметно шоссе переваливает через нее. И я бы не заметил, пропустил тот «перекресток истории» на пути к Ургалу, если бы не реплика шофера, который взялся подбросить меня на станцию:

— Старый БАМ переехали.

Мы вышли из машины. В стороне, на замерзшей, присыпанной снегом реке, виднелся мост. Точнее, опоры, похожие на обелиски, и такие же одинокие. Здесь не падали бомбы. Но раны войны, как точно заметил однажды старый изыскатель Александр Алексеевич Побожий, остались и тут.

Несколько низких изб на взгорьях, их крыши в снеговых шапках. Копенки сена за легкими оградами. Таким выглядел Ургал и пять и двадцать пять лет назад. Годы не трогали его. Тот избяной разъезд доживает последние дни. На плацдарм, занятый изыскателями и строителями 30-х и 40-х годов, на землю, вынужденную первопоселенцами, высадились главные силы.

В новом издании энциклопедии найдется место для Ургала. Пока дойдут тома до книжки на «у», станет он одной из узловых станций Байкало-Амурской магистрали. Как и задумывалось. Сомкнет построенные до войны, в войну и после участки.

А пока, заглушая голоса, над полустанками, вокзалами России падали слова:

— До отправления поезда осталось...

Станции запоминались встречами. В Пензе перрон заполнили ребята в форменной одежде — будущие железнодорожники. Они передали строителям письмо: «После техникума приедем на построенную вами станцию». В Новосибирске к поезду принесли несколько дорожных аптек: «Пригодится». В Облучье — это уже Хабаровский край — к поезду вышел, кажется, весь городок.

За Известковым поезд «Донбасс» повернул на север. Последний отрезок пути — чуть больше трехсот километров. Позади эшелона на сибирских, забайкальских перегонах к тому же незнакомому Ургалу торопились еще пять составов.

Они отправились из Донецка на несколько дней раньше, «Донбасс» в дороге их перегнал. Составы везли машины и краны, экскаваторы и тракторы, сборные конструкции. Везли котельную и электростанцию, кухонные плиты и ванны, дорожки для общежитий и музыкальные инструменты... На колесах было, по железнодорожным документам, 13 тысяч тонн. На колесах был, как это нетрудно вообразить, город. Сложатся щиты в дома, и протянутся дома улицей. Назовут первую улицу именем революционера Артема. Как в Донецке. Но пока и улица и дома разобраны на части, словно кубики в детских играх.

Что же вызвало к жизни этот город, пока еще размещившийся на ватмане? Характер стройки. Мы называем ее всенародной. И это не просто слова. Они оплачены делом. Всенародный характер магистрали... Его контуры — в линиях проектов, присланных на трассу из Москвы и Киева, Новосибирска, Харькова, Днепропетровска и Хабаровска... Его воля — в грохоте машин с марками всех советских республик, работающих на стройке. Его зримое воплощение в том, что на Ургале, безвестном российском разъезде, развернулся трест с Украины.

Надо оговорить, шефство трудящихся Украины над сооружением станции Ургал — это шефство в качественно новом смысле. Не просто помогать строительству, направляя добровольцев, присылая материалы и оборудование, а своими силами построить вокзал и

комплекс культурно-бытовых объектов общей стоимостью в десятки миллионов рублей. Для этого и был создан Укрстрой. Отряд «Донбасс» — головной в тресте, его база. Он скомплектован в Донецкой области. О том, что стоит за одним словом «скомплектован», надо рассказать отдельно. Подобрать специалистов. Из собственных ресурсов выделить технику, оборудование, а то, чего нет, изготовить. Каждого строителя снабдить спецодеждой — и зимней и летней. И на все сборы — три недели.

Парторг ЦК КП Украины в тресте Укрстрой А. В. Саманков рассказывал мне, какими были дни перед отъездом. Случалось, и в девять и в десять часов вечера руководителей треста приглашали в обком партии. Снова и снова рассматривали все детали жизни и работы отряда в необжитом краю. Все ли учли? Ничего ли не забыли?

В один из таких вечеров кто-то предложил сделать конверты, о которых я говорил вначале. Маленький штрих, но и он свидетельство заботы о тех, кому обживать неуютную далекую землю.

Вместе с крановщиками и трактористами, слесарями и сварщиками ехали на Ургал парикмахер и сапожник, заведующий клубом и швея, мастер по ремонту сложной бытовой техники и почтальон. В двух вагонах везли продукты. Словом, это был десант, подготовленный к работе в условиях полной автономности. Даже если бы высадили его на Северный полюс.

* * *

— Каким вам видится район через десять лет? — спросил я Владимира Ивановича Луночкина.

— Через десять лет? — повторил он, отрываясь от расстеленной на столе карты, в которой все четыреста километров трассы, проходящей на Верхнебуреинский район, были уже проложены. Квадраты карты для него полны живых картин: мосты над Буреей и Амгунью, туннель под Дуссе-Алиньским перевалом, пробитый еще строителями старого БАМа...

— Пройдет железная дорога, — сказал Луночкин, — и это самое главное. Для нас это Дорога жизни. Вдоль трассы будут построены двенадцать поселков, леспром-

хозы, совхозы. Станет наш Ургал узловой станцией. Отделение дороги, локомотивное и вагонное депо...

Дорога жизни... Пожалуй, это действительно так.

Всю историю освоения Дальнего Востока можно, между прочим, написать как историю строительства дорог. Еще в 1857 году граф Муравьев-Амурский, губернатор Восточной Сибири, командировал военного инженера Романова составить «проект колесного пути» от мыса Джой на правом берегу Амура, где был заложен город Софийск, к заливу Де-Кастри. Дорога эта, по плану Муравьева, должна была строиться так, чтобы без больших затруднений ее можно было впоследствии обратить в железную. После изысканий инженер Романов издал брошюру «Софийско-Александрйская железная дорога...».

Проект, однако, опередил свое время. Лишь через десятилетия были уложены первые метры Великого Сибирского пути, значение которого современники сравнили с открытием Америки и сооружением Суэцкого канала.

В этом ряду стоит и прокладка второго пути к океану. Северный Транссиб пройдет через созвездия месторождений, нетронутые лесные массивы. Но не только. Прорезав всю Восточную Сибирь и Дальний Восток, эта дорога начнет новый этап освоения крайнего востока России. Сколько поселков, городов, станций, рудников будут обязаны своим рождением БАМу?! Можно прикинуть ответ, лишь проехав по старому Транссибу. Миллионы новоселов прибавит БАМ Дальнему Востоку.

Во все годы темпы роста населения в этих районах в несколько раз превышали общесоюзные. Перепись 1926 года отметила самый большой прирост на востоке — почти в три с половиной раза по сравнению с 1897 годом. Из 1 миллиона 800 тысяч дальневосточников чуть больше половины были местными уроженцами (940,2 тысячи). Опережающий темп сохранился и в следующие десятилетия. Последняя перепись — 1970 года — зафиксировала в дальневосточном экономическом районе около шести миллионов человек (5 780 509.) *. Два с половиной процента населения СССР. «В 1913 го-

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 1. М., 1972, с. 14.

ду в каждой тысяче жителей было только 5 дальневосточников, теперь — 21» *.

Здесь отчетливее, чем где бы то ни было, выделяются специфичные группы: старожилы, переселенцы, сезонники... Самая большая, конечно, старожилы — внуки первых поселенцев, дети добровольцев первых комсомольских призывов. Приморье, Приамурье, Сахалин, Камчатка — их родина. Характерные, типичные черты объединяют и современных переселенцев, сезонников. Осядут ли они на новых землях, станут ли дальневосточниками? Как продолжается в наши дни процесс формирования рабочих кадров, постоянного населения? Чтобы ответить на эти вопросы, попробуем представить дальневосточника в лицах, в обобщенных, коллективных портретах. Первые в этой длинной галерее, конечно, старожилы.

* Советский Союз. Геогр. описание в 22 томах. Дальний Восток. М., 1971, с. 13.

Старожилы

Знакомство с ними начинается в архивах, тихих залах библиотек. Хрупкие газетные страницы, листы документов хранят следы давних печалей.

«Тюмень, 22 мая. В Тюмени скопилось 4000 переселенцев, ежедневно прибывает от 400 до 830 человек. Средства местного комитета подходят к концу, нужна скорая помощь».

Скорая помощь была нужна и тогда, в мае 1891 года, когда промелькнула в «Русских ведомостях» эта заметка, и раньше, и позже. Еще не бежали по Сибири рельсы и годами бедовали в пути снявшиеся с родных неласковых мест деревни, отмечая крестами дорогу на восток. «Шли по два и по три года, что называется, голодая и холодая, теряя в пути детей и взрослых членов семьи, проедая имущество, останавливаясь для заработков, чтобы снова двинуться в путь... Они проявляли прямо стихийную силу стремления и чрезвычайную выносливость»*.

Быстрее, но едва ли легче был путь переселенцев в смрадных трюмах пароходов «Доброфлота» — чуть ли не вокруг света. Вместе с небогатым скарбом люди увозили на чужбину родные названия. По названиям дальневосточных сел легко проследить их родословную: Черниговка, Полтавка, Астраханка, Пермская, Чигиринка... Словно кольца на дереве, прорастали села.

Самых первых влекли плодородные степи — сказочный «Зеленый клин». Из 300 крестьян, опрошенных харьковскими чиновниками, 284 причиной переселения

* Труды Амурской экспедиции.

назвали «малоземелье», «безземелье» и «земельную тесноту»; и так что душ 10 семейства, а земли одна десятина... становится тесно»*.

«Хорошие», «достаточные» деньги были лишь у 8 процентов переселенцев. 7 процентов, складывая пятак к пятаку, смогли накопить гораздо меньше, чем нужно. С крайне скудными средствами тянулись от версты к версте 23 процента всех семей. Больше половины — 62 процента переселенцев — пришли нищими. Они искали спасения в «Зеленом клину», на своем наделе, не подозревая, что и там, так же как и под Полтавой или Пермью, свой надел разделяет людей». «...переселения усиливают разложение крестьянства на местах выхода и переносят элементы разложения на места вселения»**.

Перед революцией в дальневосточной деревне было примерно 60 процентов бедняков. На одну бедняцкую семью приходилось около полутора гектаров, а всего — 17,5 процента посевных площадей. Зато переселенческая буржуазия (4,5—8,9 процента) владела 38 процентами пашни. Земли у кулацкой семьи было в десять раз больше, чем у бедняцкой. Так разделялось село. Казачья верхушка — во владении амурского и уссурийского казачества было до 15 миллионов десятин лучших пахотных земель. Кулачье. Беднота. Батраки — 11,3 процента в Приморье, 22,3 процента — в Амурской области***. Здесь же историк Ю. Н. Осипов приводит любопытный эпизод. 13 декабря 1909 года в селе Павловка Южно-Уссурийского уезда на сельском сходе кулаки выступили против переселенцев: «...И кто из односельчан будет содержать у себя на квартире, то хозяин должен уплатить обществу в виде штрафа... 50 рублей, а за наем земли для посева 10 руб. в год».

Можно понять, какими глазами смотрели переселенцы на простор «Зеленого клина».

«...Скоро назначили ходоков для обозрения «степу», — писал сотню лет назад в Черниговскую губернию один из первых переселенцев, — назначили и меня...

* Переселения крестьян Харьковской губернии. Вып. 1. Харьков, 1908, с. 6.

** В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, с. 175.

*** Ю. Н. Осипов. Экономическое положение «новоселов» в дальневосточной деревне в период империализма. — В сб.: Материалы по истории Дальнего Востока. Владивосток, 1973, с. 174.

И шел я четверо суток ни жив ни мертв: горы, камень, да глина, да леса, а затем я вышел в чистую степ, то стала земля хорошая, хлебородная и довольно для всякого... Еще и вас, любезный братец Савва Степанович, прошу до себя, так как я собственно своими глазами видел «степ», то можно жить хорошо, земли — сколько твоих сил хватит вспахать...».

И поднимались в дорогу братцы, семьи, села...

«Перед отъездом все подводы собрались к церкви... Некоторые храбрятся, говорят, что всех вас туда выпишем и прочее. Однако, многие плачут... Отойдя от церкви уже довольно далеко, молодые ребята запевают солдатскую песню, которая подхватывается многими. В песне есть фраза: «А куда пойдешь ты, когда дома нет — вот тебе награда за двадцать пять лет». На прощание за селом снова плач или, точнее, рев. Словно от сердца что отрывает иной, когда прощается с родственниками. Схватит родича в охапку, жмет крепко, а сам выкрикивает: милый, родной, прощай... Не доскажет, что сказать хотел, и оттолкнет, из силы отвернется и не говорит уж. Многие бросаются на землю, целуют ее...» *

Годы и годы лишений, трудов, невозвратимых потерь... 586 человек взял на борт пароход «Россия» в 1886 году. Ста тринадцати из них спутники недосчитались.

По официальным данным, за пятилетие, с 1887 по 1892 год, среди каждой тысячи пеших переселенцев — их называли самоходами — умирал в дороге 91 человек. Обычный по тем временам рейс, обычный путь.

«Вся дорога от Владивостока до Раздольного и далее была усеяна могилами несчастных детей переселенцев, не перенесших тяжелых условий, встретивших их на пути в первые дни пребывания на месте новой оседлости» **. Обычная по тем временам картина.

Год от года нарастал поток переселенцев в Южно-Уссурийский край, на Амур. К зиме 1859 года в Благовещенске было уже до трех десятков домов. Четыре солдата 3-го Восточно-Сибирского линейного полка в том же 1859 году основали первый русский пост на

* В. И. Денисов. Россия на Дальнем Востоке. М., 1913, с. 154—155.

** П. Головачев. Россия на Дальнем Востоке. Спб., 1904, с. 157.

Ханке, состоявший первоначально из одной избы, бани и амбара.

В следующем году 250 крестьянских семейств из Тамбовской, Воронежской, Орловской, Вятской и Пермской губерний водворились в десяти деревнях между Хабаровском и Мариинском.

Сначала счет шел на десятки, сотни, потом на тысячи. Общий приток населения на юг Дальнего Востока (на север переселение почти не шло) в дореволюционное время составил около 500 тысяч человек*.

Я искал потомков самых первых дальневосточников. В каждой командировке — на флоте или в таежном селе, на руднике или на стройке — расспрашивал собеседников, давно ли они на востоке, а если местные, то когда перебрались в Приморье, Приамурье их родители. Очередная командировка была в Липовцы, небольшой горняцкий поселок в Приморье. Приехал в субботу. На шахте тишина. Лишь за одной дверью с надписью «Диспетчерская» слышались голоса. Заглянул, расспросил, как найти нужных мне людей. Седоватый мужчина у пульта охотно отвечал. Мы разговорились, и я понял, что все остальные встречи нужно пока отложить.

Через час после знакомства с Вакуловыми, запутавшись в их многочисленной родне, я попросил Георгия Григорьевича нарисовать генеалогическое древо.

«Иван и Варвара», — написал он в самом низу бумажного листа. Девочку Варю привезли на Тихий океан, когда у крутых и лесистых берегов бухты Золотой Рог срубили первый десяток домов поста Владивосток. Ей было суждено прожить 93 года, нарожать дюжину сыновей и дочерей и пережить многих из них. Одного из сыновей расстреляли на демонстрации владивостокских рабочих в 1905 году, другой погиб на сопках Маньчжурии.

Все большие тревоги века памятли в этой русской семье. «Григорий и Прасковья» — растет древо Георгия Григорьевича. Прасковья Федоровна — его мать. Она сидит рядом с нами на просторной веранде, стол накрыт для чая, сказочно пахнет мед, щедро налитый

* Экономическая география СССР. М., 1974, с. 326.

в глубокую тарелку. Мать долго и задумчиво всматривается в листок — глаза ее с годами не потеряли чистоты и зоркости. А густая вязь морщинок кажется продолжением узоров с платка. Сбросит платок, думаешь, и останутся только молодые глаза.

На тетрадном древе — ответвления веточек и ветвиночек — судьбы ее детей. Только две ветки обрываются одиноко и голо, словно иссохшие.

— Пантелей... — будто с собой рассуждает Прасковья Федоровна, — мальчиком помер. Не было тогда в селе докторов... Петю с последней войны не дождалась.

Со двора Вакуловых хорошо виден приземистый, старой кирпичной кладки дом — вокзал железнодорожной станции Липовцы. Там Прасковья Федоровна прощалась с сыновьями, когда уезжали они из дому. Вся жизнь видится ей теперь одним долгим ожиданием: отца — с русско-японской войны, мужа — с первой мировой, сыновей — с Отечественной.

Раньше за станцией был зеленый простор до самого горизонта. Так ей помнится из детства. Потом в небо вписались треугольник террикона и строгий силуэт копра.

Это на памяти и Георгия Григорьевича. Мальчишкой в предвоенный год он бегал на закладку Липовецкой шахты. Помнит, как лопатой в чистом поле очертили круг — шейку будущего ствола. И, прежде чем копнуть, вздохнув, разбили о лопату бутылку пшеничной водки: шампанского, как требовал обычай, не достали. Видно, легкая рука была у того, кто исполнил старую традицию: давно прошли отмеренные геологами сроки, а шахта все живет, и шахтерский поселок похож уже на небольшой уютный городок. В нем просторные зеленые улицы — каждое деревце сажали своими руками, многоэтажные дома в центре и ряды палисадниковых окраинных улочек, сбегających к перехваченной плотиной речонке. Отличный Дворец культуры, большой универмаг, спортзал. Детский комбинат: сад и ясли.

Все старшие Вакуловы — рабочие, шахтеры. Другой профессии поселок тогда не давал, а послать на учебу семья не могла: ходили в школу по очереди в одних валенках. Георгий Григорьевич работал откатчиком, переносчиком, электрослесарем... Горный техникум он закончил лишь к сорока годам, пройдя войну, вволю нарабо-

тавшись в забое. Сейчас он старший диспетчер. С двадцати лет, с сорок второго года, — коммунист. Его рабочее место у пультов, в небольшом кабинете административного корпуса. В хорошо вымытое окно виден двор шахты: бегут шкивы — колеса на копре. Набирая скорость, сливается шкив в тугой диск и снова распадается на голубые треугольники, разделенные спицами, на которых легкими корабликами плывут облака.

Старшему диспетчеру необязательно бывать в шахте. Но Вакулова тянет в новую лаву: там смонтировали комплекс — механизированную крепь с конвейером и комбайном. И ему интересно наблюдать его в работе. Было время — в лаве работали навалышки и крепильщики. Один нажимал на лопату: «Бери побольше, бросай подальше»; другой орудовал топором и пилой. Сейчас хозяева лавы — машинист комбайна и машинист крепи.

— Признаюсь, — говорил Вакулов, — я с трудом привыкаю к этому словосочетанию — машинист крепи. Крепь испокон веков была деревянной. Кровлю держали стойки, лес, как говорят шахтеры.

— Включи станцию! — скомандовал бригадир.

За железной крышей загремела, осыпаясь, порода.

Техника неизмеримо облегчила подземный труд, сделала его безопасней. Но шахта остается шахтой. И следом за просьбой включить станцию слышится нетерпеливое «Давай пинцет!». Не думайте, что это какой-то особо тонкий инструмент. Это кувалда. Пока под землей нужна и она.

В младшем поколении к Вакуловым-рабочим прибавились Вакуловы-интеллигенты. Среди внуков Прасковьи Федоровны трое с высшим образованием, девять — со среднетехническим.

У младших Вакуловых мы насчитали с десятков профессий: кроме горняков, среди них есть агрономы, врачи, железнодорожники, швея. Агрономы эти работают на дальневосточных полях, врачи лечат в дальневосточных больницах. И другие поля, больницы, железные дороги их не тянут. Ведь не отрабатывать сюда приехали: вернулись туда, где выросли. Они от этой земли и так же ревностно, как деды и отцы, любят ее. Когда после войны Георгий Григорьевич вернулся в Липовцы, ему предложили «в порядке закрепления трудовых ресурсов» заключить договор на три года.

— Я же не сезонник случайный, — обиделся он. — Я домой приехал, понимаете, домой!

Вакулов, рассказывая, горячился, точно и сейчас, чуть ли не три десятка лет спустя, допекала его та обида. И было ясно: не по душе таким людям сравнение с летунами, с теми, кого надо закреплять. На отцовской, дедовской дальневосточной земле они не в гостях.

— С Дальнего Востока, — говорил мне Вакулов, — я и на день не хочу уезжать.

Не договор, не льготы держат здесь таких, как он. Держит нечто большее, что рублем не измеришь, — приверженность к земле, которая стала родной. Такой силы приверженность, верность я увидел и в дальневосточном городе Артеме.

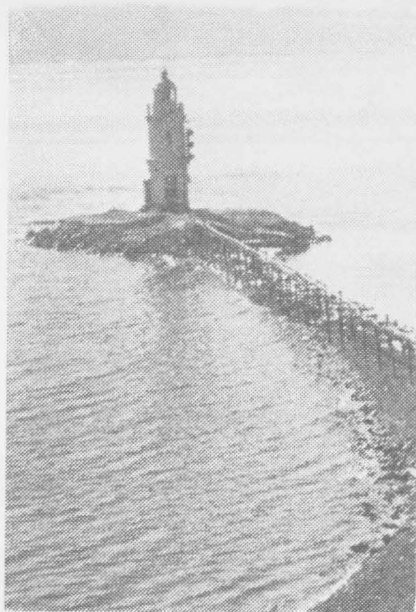
Шестая шахта дорабатывала последние горизонты. Вместе с шахтой мог уйти в отставку и ее начальник: он давно заработал Брянскую пенсию. И лично его за то, что погаснет шахта, никто бы не упрекнул: нет угля, и точка. А тот далекий уголь — министерская забота... Начальник шестой шахты Алексей Михайлович Матвеев, коренной дальневосточник, многоопытный горняк, давно присматривался к соседнему месторождению — оно километрах в двадцати от поселка. Еще до революции бойкие дельцы копали там уголь. На плане геологоразведочных работ месторождение похоже на громадную гроздь винограда. Угля там больше, чем во всем Артеме, но не подступишься...

«Вот тебе и виноград, — смотрел на план Матвеев, — хоть око видит...»

В Матвееве до сих пор живо впечатление от первого спуска в шахту, хотя с той, довоенной поры он спускался под землю сотни и сотни раз. «Я понял тогда — шахта требует чего-то большего: воли, настойчивости, риска». Это понимание, может быть, в большей мере, чем когда-нибудь раньше, пригодилось ему сейчас. Он просиживал вечера над схемами, расстеленными на полу его просторного кабинета, гонял свой старенький «Москвич» к сопкам, укрывшим угольные пласты: «Я там все пешком исходил — каждый метр должен знать в натуре», дважды добивался приема в Госплане.

В толще базальтовых пород, закрывавших угольные пласты, геологи отыскиали размыв. Там и заложили уклон. «Первая же скважина поймала пласт», — вспоминает Матвеев. Дома начальник шахты хранит альбом,

Океан начинается с берега.

Камчатка встречает рыбаков
штилем.

Под крылом — родные просторы.

У каждой дороги своя цель и надежда.

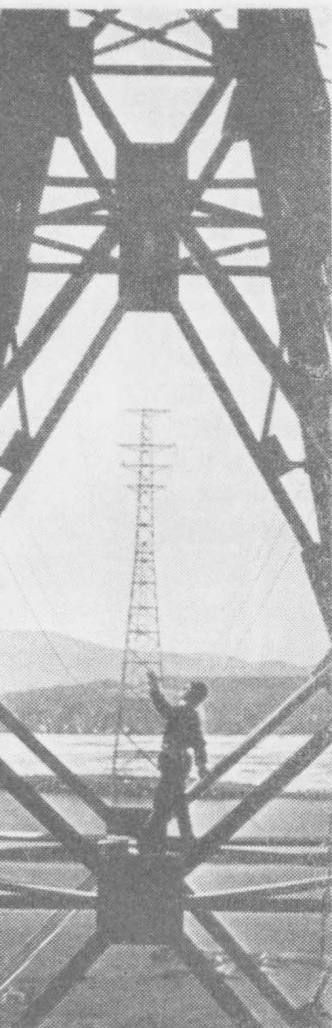
Всей семьей — на Даль-
ний Восток.

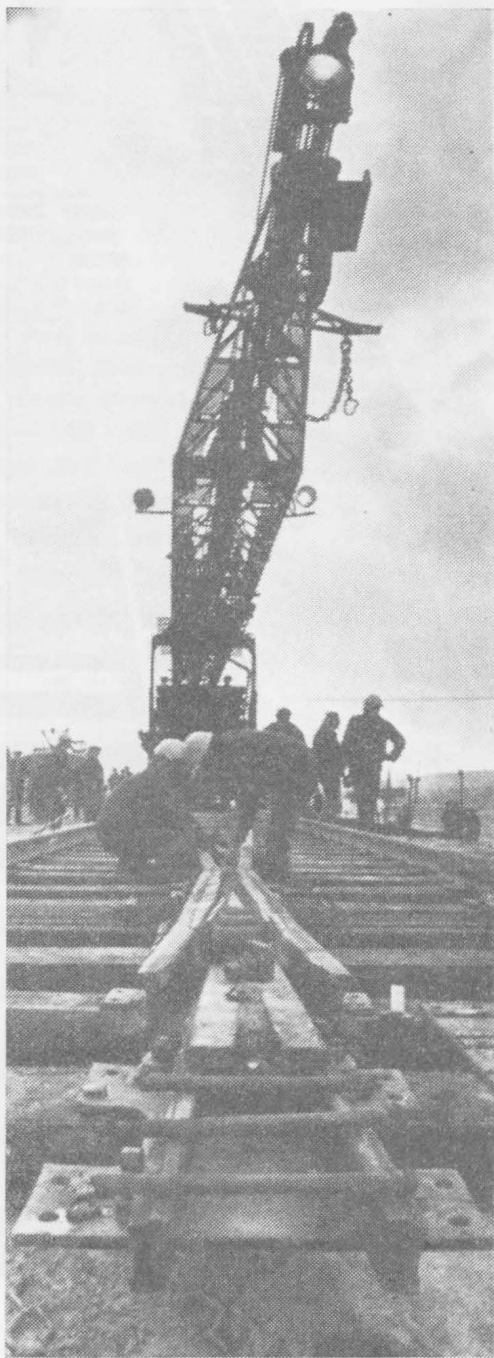
Все должно быть выверено точно.

Рукотворное солнце планеты.

Рабочий момент.

Первая стрелка на линии
Бам — Тында.

Судоремонтники.

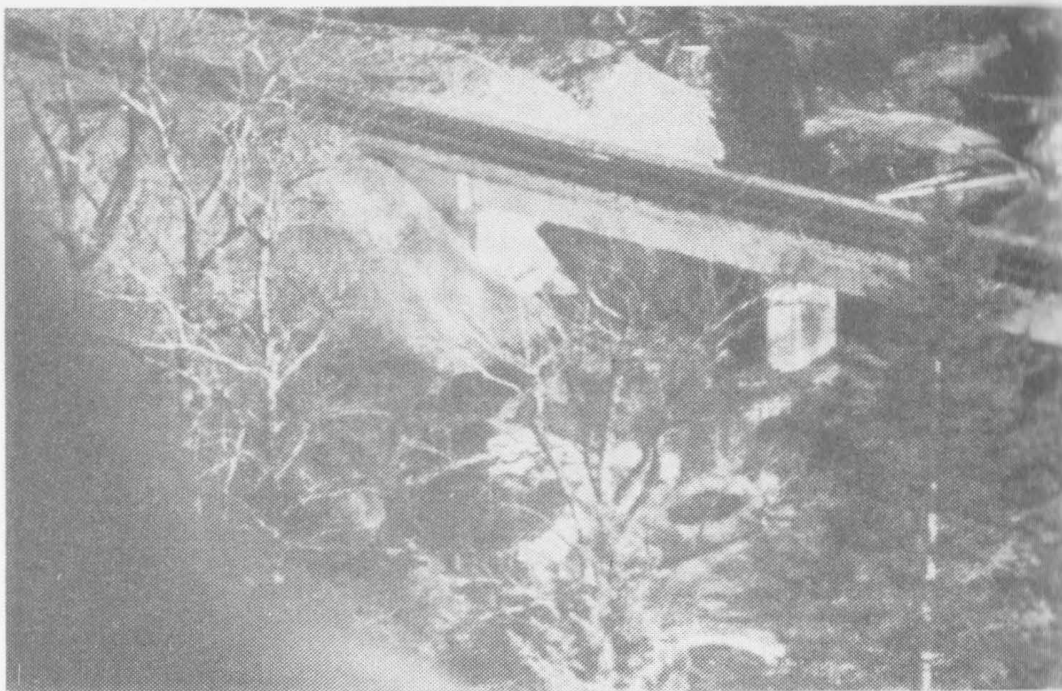
Судоремонтники.

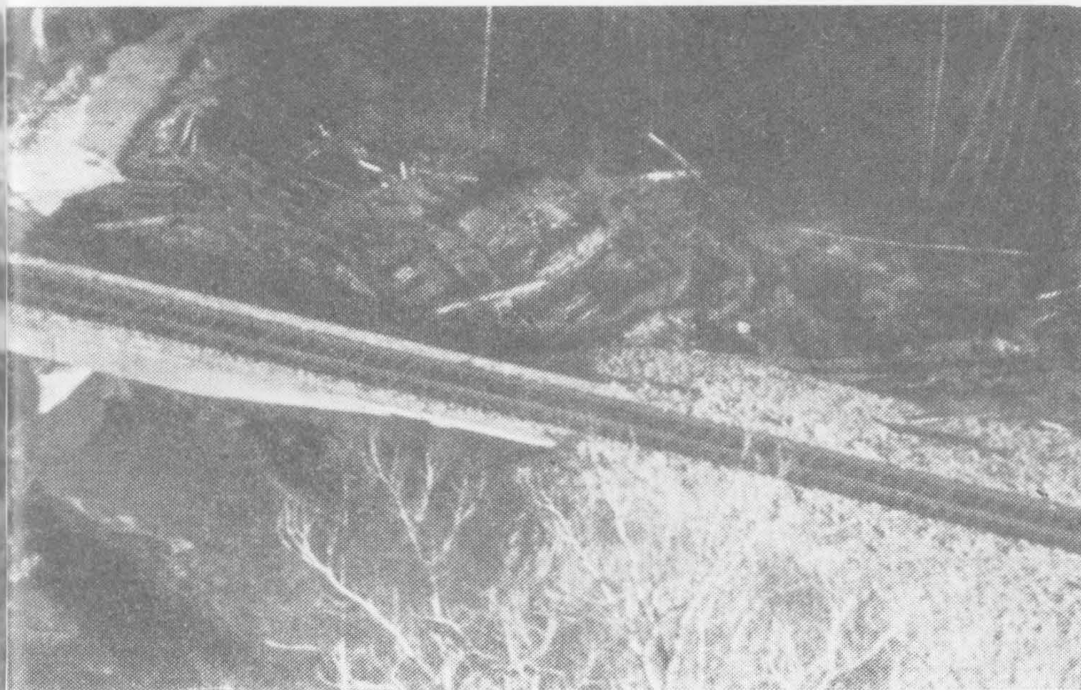
«Мы строим Ургал», — говорит Люба Блощук.

Бригадир звеносборки БАМа Михаил Литвинов.

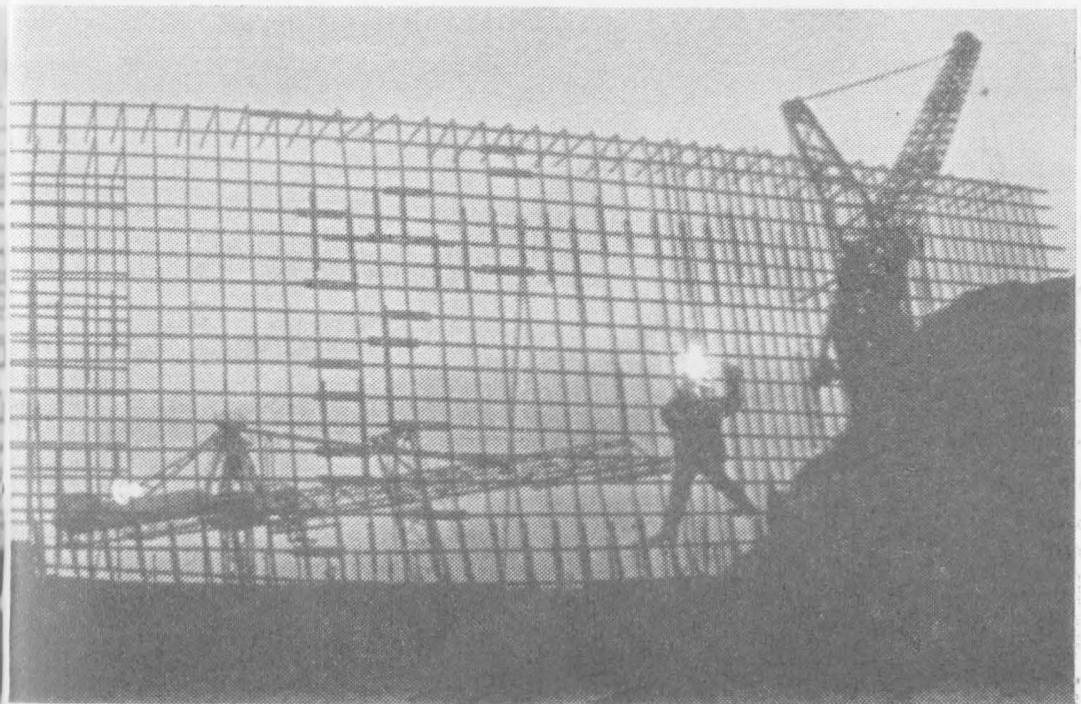
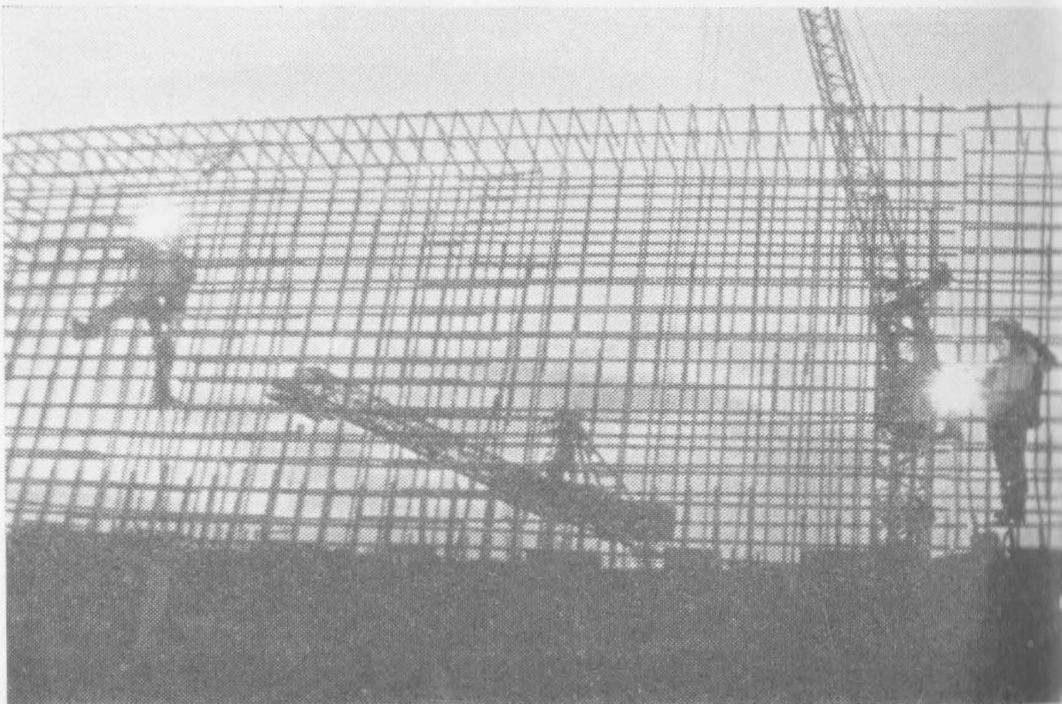

Через леса, болота и горы. ▲

▼ Вечером на строительстве Зейской ГЭС.

Строители Петр и Иван Васильковы.

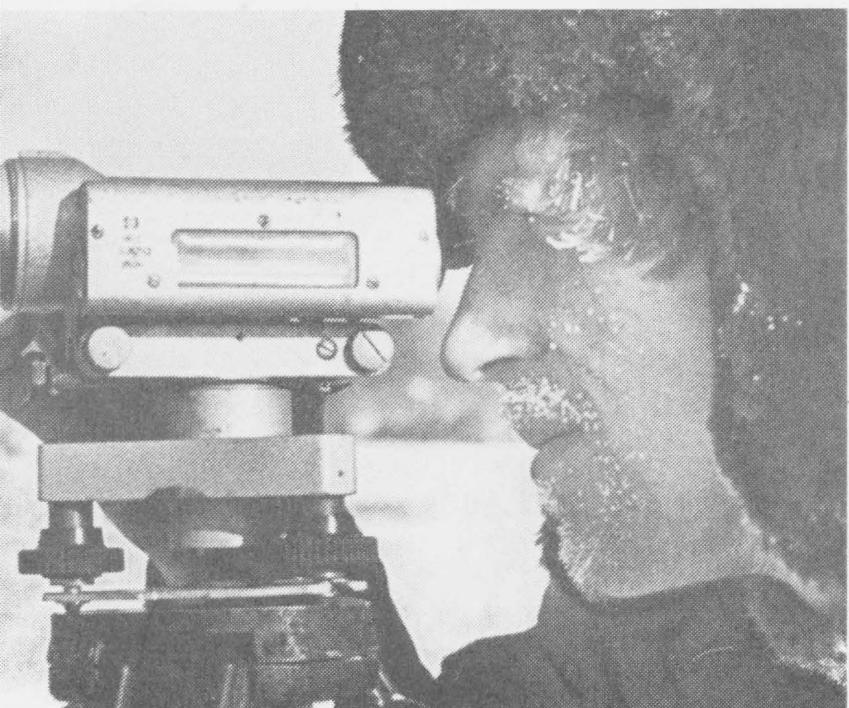
Поднимается, расправляет крылья стройка.

Вот и закончилась рабочая смена.

В морозный день далеко видно.

И днем и ночью идут машины на стройку.

Монтажник Николай Савенко.

У каждого свой город за окном.

Фабрика среди леса и сопок.

Растут этажи Амурска.

Счастливая находка геолога.

ЖАНСОНА, АЛЕКСАНДРОВИЧ

Снимок — парни в горняцких касках. Это бригада по проходке разведочного уклона. На другой фотографии — устье разведочного уклона. И пометка: «Снимал Миша». Это его сын. И еще одна фотография — с ликующей строчкой: «Ура! Первый уголь под эстакадой».

На этих фотографиях я увидел много знакомых ребят — и Колю Потербу, бригадира рабочих очистного забоя, парторга участка, и Витю Хмельницкого, горного мастера, и Мишу Коденко — он был начальником этого таежного участка. Вместе, перебивая и дополняя друг друга, ребята рассказали, как осваивали месторождение. Шел настоящий промышленный эксперимент. Детальная разведка. Анализ качества угля. Расчет паспортов крепления. Как и в каждом эксперименте, надежда сменялась тревогой. «Потеряли пласт и шли серпантинном по породе». Искали уголь. «Одно время свойства кровли показались такими сложными, что мы готовы были отступить». Не отступились. Семь месяцев пробивались через плывун. Пробились. Нарезали лаву.

Редко встретишь другую такую шахту. От нарядной к стволу путь лежит по лесной тропинке. Прямо у конвейеров, несущих уголь к бункерам, растет виноград. Говорят, осенью гроздья висят над углем — жалко срывать. Конечно, шахта потеснила лес. Но и лес не в обиде. В другом месте горняки заложили целую посадку.

На этом таежном руднике не сразу замечаешь похожий на сторожку домик. А все началось с него: там были и нарядная, и ламповая, и мастерская... Как тогда работалось? Одна деталь: воду для лавы и для рабочих возили в цистернах. Пока гидрологи не отыскиали ключ.

Шестая шахта выиграла бой за свою живучесть. Уроки ее многозначны. Доказана перспективность добычи угля в крае, а значит, возможность сбережения миллионных затрат на доставку угля в Приморье из Восточной Сибири. Разведанные запасы обеспечивают развитие угольной промышленности «в объемах, необходимых для полного удовлетворения потребностей народного хозяйства края», отмечалось на краевой партийной конференции. Сохранен кадровый горняцкий коллектив — надо ли говорить, как это важно на Дальнем Востоке?!

Александр Твардовский очень точно заметил, что нужны долгие годы, чтоб «окорениться» на новых землях — «и новым детям нужно здесь родиться, и должно дедам в эту землю лечь».

Вакуловы, Матвеевы, Потерба из тех, кто здесь «окоренился». Такие, как они, дали свои имена приамурским сопкам и таежным рудникам, колхозам и улицам.

Волочаевская сопка... Здесь заканчивали рабочие и крестьяне России гражданскую войну.

«В снегу, на морозе, полуголодные, после шести дней, проведенных под открытым небом, залегли наши цепи перед искусно построенными заграждениями противника у Волочаевки, и, движимые единым желанием победить или умереть, — победили, — писал В. К. Блюхер по следам событий. — Я затрудняюсь выделить доблесть какой-нибудь отдельной части: героически боролись и самоотверженно глядели в лицо смерти все»*.

Силинский рудник... Это в память знаменитого проспектора (рудознатца) Федора Андреевича Силина, большевика с 1917 года, коренного дальневосточника. В годы гражданской войны он был одним из руководителей партизанского движения в Приморье. Потом, как и до революции, искал руды: «За время трудовой поисковой работы мной найдено около 2000 рудоточек...» Улица Шевчука... Это имя в годы гражданской войны на Дальнем Востоке, по воспоминаниям П. П. Постышева, знали все крестьяне, начиная с ребенка и кончая стариком. Иван Павлович Шевчук, «рабочий-грузчик из украинских крестьян», возглавил знаменитый 1-й Тунгусский партизанский отряд.

Разъезд Кузнецовский... На хребте Сихотэ-Алинь, за станцией Высокогорная на тысячеметровой высоте примостился этот разъезд. О нем ходят красивые байки, в которых главный герой — несчастная любовь и смерть... А было все суровее и строже, так, как бывает в жизни цельных, сгорающих ради дела людей. С утра до темна Арсений Петрович Кузнецов ходил по горам, ночами проектировал варианты... Работал без выходных и отпусков... И сердце не выдержало перегрузок. Его похоронили на небольшой сопке, вблизи будущего разъезда, за-

* Таежные походы. Сборник эпизодов из истории гражданской войны на Дальнем Востоке. М., 1936, с. 253.

проектированного им же. И называли разъезд Кузнецовским.

Города Шимановск и Партизанск, Пожарский и Лазовский районы, поселок Сибирцево, станция Провалово, улицы Суханова, Бонивура, Кореннова... За каждым названием страницы революционной и боевой истории, судьбы людей, гражданский подвиг которых помнит Родина.

Японские интервенты и белогвардейцы расстреляли первого председателя комитета Амурской железной дороги Владимира Шимановского. Сожгли в паровозной топке Сергея Лазо и Константина Суханова. Замучили первых комсомольских вожаков Приморья Виталия Бонивура и Кронида Кореннова... Под пулями захватчиков близ озера Хасан пал, поднимая в атаку однополчан, комиссар Пожарский. Он мог сказать, как и Лазо:

— Вот за эту русскую землю, на которой я сейчас стою, мы умрем, но не отдадим ее никому!

Испокон веку шли за Урал, на восток, «встречь солнца» наши соотечественники. Переходили на свой страх, по выражению А. И. Герцена, океаны льда и снега, и везде, где оседали усталые люди, в мерзлых степях, забытых природой, закипала жизнь, поля покрывались нивами и стадами, и это от Перми до Тихого океана. От поколения к поколению переходил завет защищать землю дедов и отцов, обживать и обогреть ее.

Вот уже четверть века изучает историю географических открытий и историческую географию Дальнего Востока доктор исторических и кандидат географических наук Александр Иванович Алексеев. По словам академика А. П. Окладникова, он сумел красочно развернуть историческую панораму освоения Дальнего Востока.

— Чем вызван ваш интерес к этой теме? — часто спрашивают Алексеева газетчики.

— Иногда случаются события, которые круто поворачивают судьбу человека. Так вот получилось и со мной. Волею законов военно-морской службы я оказался на Дальнем Востоке. После суровой Балтики меня не очень-то удивили штормы Охотского и течения Японского морей, но поразили огромные масштабы морской

стихии, совершенно не сравнимые с запертым со всех сторон Балтийским морем. Как же люди исследовали эти просторы, как нанесли на карты берега, острова, измерили глубины, изучили течения? Кто все это сделал? — думал я. — Мне пришлось вести гидрографические работы в Японском и Охотском морях, в частности, в тех местах, где за сто лет до этого действовала Амурская экспедиция, жить в Советской Гавани, открытой участником той экспедиции Н. К. Бошняком... Так тесно соприкоснулись в моей морской практике история и современность. Так возникла мысль написать книгу об отважных русских исследователях Дальнего Востока и Тихого океана.

Каждого, кто знакомится с историей формирования нашего государства, всегда поражает та быстрота, с которой русские землепроходцы обустроили необъятные просторы Сибири.

В 1639 году отряд И. Ю. Москвитина пробился к берегу Охотского моря в районе устья реки Ульи. От него были получены первые известия о реке Амур. Через несколько лет, в 1648 году, С. И. Дежнев прошел проливом, отделяющим Азию от Америки. В эти же годы (1643—1645) в историческом плавании В. Д. Пояркова по Амуру до его устья был открыт остров Сахалин. Дружина Пояркова продолжила плавание по бурному Охотскому морю и через Улью возвратилась в Якутск. И если вспомнить, что знаменитые походы Ермака пришлось на 80-е годы XVI столетия, то легко убедиться, что вся Сибирь была пройдена за период немногим больше полувека.

Это ли не удивительно!

Но русские люди не остановились на берегах Тихого океана, на берегах Охотского моря — они перебрались на Камчатку, открыли Курильские и Алеутские острова, высадились в Северной Америке.

— Повторяя курс российских первопроходцев, тысячи молодых строителей ведут сейчас второй, железный путь к океану. Пройдем мысленно по трассе БАМа. С какими русскими экспедициями, следами чьих путешествий пересекается магистраль?

Там, где сейчас уже трудятся строители БАМа, и там, где им еще предстоит пробивать животворную трассу, русские люди появились в конце первой половины семнадцатого века.

В 1639 году по Витиму плыл отряд Перфильева, в 1643 году Поярков спустился к Амуру по рекам Гонаму и Зее, а в 1649-м отважный Хабаров шел со своей дружиной по Олекме и ее притокам, направляясь в Даурию.

По Лене плыла экспедиция Беринга, а участники Академического отряда Миллер, Гемлин и другие изучали географию, этнографию, собирали исторические сведения вдоль великой сибирской реки. В 70-х годах И. Г. Георги совершил целый ряд путешествий вокруг Байкала и к северу от него, пытаясь разобраться в орографии Сибири.

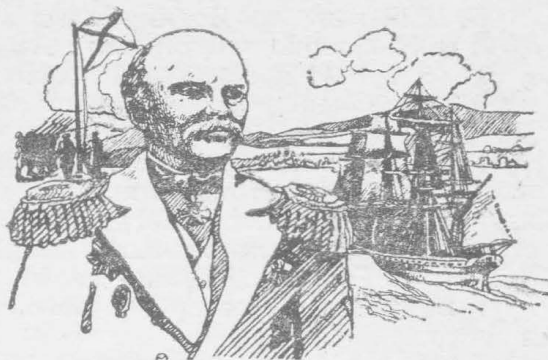
БАМ пересечет маршрут Э. Лаксмана, который в 1796 году совершил путешествие из Нерчинска, в Удский острог. Не миновать магистрали встречи с маршрутом А. Ф. Миддендорфа — он пробыл в 1844 году из Удского острога на Зею.

Наконец, там, где завершится магистраль, в Комсомольске-на-Амуре, в 50-х годах прошлого века плавали на байдарках участники Амурской экспедиции Невельского. Мимо этих мест прошли баржи первого сплава по Амуру в 1854 году.

* * *

Среди исследователей Дальнего Востока выделяется титанический образ Геннадия Невельского, патриота, мореплавателя, борца. О таких, как он, говорят — первопроходцы.

Первопроходцы

Со школьных лет нам знакомы имена Дежнева, Хабарова, Пояркова, Невельского — их имена на карте России. Мыс Дежнева, город Хабаровск, пролив Невельского...

Учебники истории очень скупое рассказывают о них — буквально в три строки. За спокойными строками учебника величайшее самопожертвование людей, для которых выше всего на свете были интересы родины.

...Пожалуй, зорче всех разглядел Невельского А. П. Чехов: «Это был энергичный, горячего темперамента человек, образованный, самоотверженный, гуманный, до мозга костей проникнутый идеей и преданный ей фанатически...»

У его идеи был точный адрес — Дальний Восток, как тогда говорили, Крайний...

На картах, по которым учился гардемарин Геннадий Невельской, Сахалин соединялся с материком перешейком, Амур «терялся» в песках, устье его и лиман считались недоступными для морских судов. «Это убеждение, — писал позже Геннадий Иванович, — принималось всюду за непреложную истину, покоившуюся на авторитете знаменитых европейских мореплавателей». При такой ситуации, задевавшей, по словам сподвижника Невельского лейтенанта Николая Бошняка, много личных интересов, с порога отвергалась сама мысль о новой экспедиции. К общему изумлению, на окраину России, на восток рвется счастливчик Невельской. Ему повезло больше, чем кому-нибудь другому из выпуск-

ников высших офицерских классов. Он имеет счастье служить с его императорским высочеством великим князем Константином, генерал-адмиралом флота, главнокомандующим морских сил России. Служба складывается как нельзя успешно. Вахтенный лейтенант главнокомандующего... Помощник «его высочества как старшего офицера». Капитан-лейтенант...

Чист горизонт впереди, и курс, казалось, проложен на годы: чины, награды, пенсион...

И что же, со всем теперь порвать? Потерять по своей воле расположение могущественного шефа, оставить лучшие корабли российского флота, столицу? Уйти в моря на безызвестном транспорте, еще даже не построенном?

Да.

Но во имя чего? Что движет такими поступками? Какой интерес? Одно можно сказать определенно: не личный интерес движет.

Геннадий Невельской:

— Личные расчеты и опасения я считаю не только неуместными, но даже преступными... единственным моим побуждением было благо отечества.

С пути на Камчатку командир «Байкала» Невельской пишет генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву:

«...я надеюсь в мае быть в Петропавловске, и, по сдаче груза в этом порту, я решился, во всяком случае, получу или не получу высочайшее повеление, отправиться прямо к описи восточного берега Сахалина и Амурского лимана».

Он твердо убежден в ошибочности общепринятых взглядов на Крайний Восток России. Его убеждение действенно. Все свои способности он готов направить на то, чтобы «представить добросовестную картину мест, доселе закрытых от нас мраком... озарить этот край светом истины».

Редки свидетельства, которые помогли бы представить, при каких обстоятельствах свершались исторические открытия «Байкала» и Амурской экспедиции. «Сподвижники Невельского, — пишет его первый биограф адмирал А. К. Сиденснер, — подражая своему начальнику и в скромности, только немногими словами

упоминали иногда о тех затруднениях и лишениях, с которыми им приходилось бороться... *

...3 сентября 1849 года у входа в Аянский залив показался считавшийся погибшим «Байкал».

Невельской:

«Вышел навстречу нам на катере генерал-губернатор со своим штабом, не приставая еще к транспорту, он спросил меня, откуда я явился. На это я отвечал: «Сахалин — остров, вход в лиман и реку Амур возможны для мореходных судов с севера и юга. Вековое заблуждение положительно рассеяно. Истина обнаружилась...» **

Думал ли тогда кто на «Байкале», что обнаружить истину, оказывается, проще, чем утвердить ее. Через несколько лет у Невельского вырвется в отчаянии: быть может, обратят, наконец, на этот край серьезное внимание, а равно и на нас, «горсть людей, как бы забытую всеми и брошенную на жертву в пустыне». В краю, отрезанном от «сколько-нибудь цивилизованного пункта тысячами верст пустынного и бездорожного простора», горстка людей все же не опускала русский флаг.

Невельской:

«Убеждения, что действия наши клонятся к благу отечества, единственно поддерживали в нас крепость духа, энергию и отвагу, столь необходимые при таких обстоятельствах».

На Константиновском посту, куда с небольшой командой был направлен Н. Бошняк, почти каждый день кто-нибудь умирал от голода. В те дни Бошняк писал Невельскому:

«Константиновский пост и команда обходят благополучно, здоровых не имеется».

В Петровском зимовье умерла дочь начальника экспедиции Катя Невельская — ее называли именем матери.

«Больной ребенок нуждался в молоке, а его нельзя было достать ни за какие деньги».

«...мы никогда не слышали от нее ни одной жалобы или упрека, — писал Н. Бошняк о Екатерине Невель-

* Г. И. Невельской. Подвиги русских морских офицеров на Крайнем Востоке России. Хабаровск, 1969, с. 76.

** А. К. Сиденснер. Адмирал Г. И. Невельской. Спб., 1914, с. 47.

ской, — напротив, мы всегда замечали в ней спокойное и гордое сознание того горького, но высокого положения, которое предназначено ей провидением».

Ей было 19.

Бошняку — 22.

Невельскому к началу Амурской экспедиции — 36.

Эти люди, известные и безызвестные первопроходцы России, безмерно велики своим самоотречением ради блага Отечества, своей любовью к оживающей окраине.

Характерная деталь. Впервые зайдя в Императорскую, ныне Советскую, гавань, один из морских офицеров сокрушенно писал товарищу: «Я в жизни не видел хуже места».

На длинном, бесконечно длинном, голом, песчаном берегу стояли несколько домиков. Вот и все. А Бошняк глаз не мог отвести от срубов: «Что-то было отрадное на душе при взгляде на этих первенцев в пустынных, еще недавно полных могильной тишины местах...»

Что же он чувствовал, когда входила в гавань шхуна «Восток» — «первый гость рождающегося поселения в этих угрюмых местах!».

«Восток» с рассветом уйдет в море, а им, морским офицерам, — «нарта собак, на месяц сухарей, чаю да сахару...», да напутствие Невельского: коли есть сухарь, чтобы утолить голод, и кружка воды напиться, то работать еще возможно. На нартах, на лыжах, пешком, по колено в снегу, ночуя под открытым небом, они проходят сотни верст, открывая бухты и гавани, описывая берега, направление хребтов и рек, подтверждая исконную принадлежность этого края России.

Пройдут годы. И в мае 1891 Россия начнет постройку «сплошной через всю Сибирь железной дороги». В те дни едва ли не все русские газеты поместили сообщения из Владивостока о торжественной закладке Уссурийского участка Великого сибирского рельсового пути и о закладке памятника Геннадию Ивановичу Невельскому. Эти два события по справедливости совпали. Впрочем, судьба дела для него всегда была дороже всяких знаков личного признания. Еще при его жизни Владивосток стал главной морской крепостью России на востоке, еще при его жизни по Амуру и Уссури протя-

нулась цепь русских станиц. Каждый год необжитые просторы принимали тысячи и тысячи переселенцев. И не было в мире силы, способной повернуть вспять этот людской поток.

Памятник адмиралу стоит на главной улице Владивостока. За его спиной — Золотой Рог, одна из прекраснейших в мире бухт, во все моря идут отсюда корабли. Когда спускаешься по Океанскому проспекту к Ленинской, главной улице города, кажется, что суда причалили прямо к домам. Два ряда высоких зданий, в просвете между ними мачты. И на переднем плане, на высоком постаменте — знаменосец. Ветер с океана бьет ему в лицо, вырывает из рук знамя. Но древко в крепких руках.

Добровольцы

Получил из Ургала письмо. Пишет инженер-геодезист Иосиф Павлив.

«Переселиться к Новому году в общежития мы не сумели... Новый год встречали в столовой на стройплощадке. Обогревали ее восемью буржуйками. Поместились все. Очень неплохо все получилось. Из Донецка каждому члену отряда привезли подарки, записи голосов родных. А первого января был почти выходной...»

«Почти выходной» праздничный день... Впервые со времени приезда. До этого свободного времени просто не было. Работали даже в воскресенье. А сейчас «почти выходной». Значит, жизнь входит в норму.

Хочу представить, как провели они этот день. И сразу у меня перед глазами ряд вагонов. Наскоро сколоченные лестницы у дверей. На одной из них прибита деревянная табличка: «Улица Донецкая».

Я смотрел на эту табличку и радовался, будто ступил на землю родного Донбасса. Какая она большая, моя Донецкая улица! Она идет по Рустави и Магнитогорску, по Караганде, Кузбассу и теперь вот по Ургалу. Она память о людях, помогавших строить грузинские домны, карагандинские и сибирские шахты... Она напомнит будущим хозяевам Ургала о тех, кто возводил их город. Ургал не забудет имена первостроителей. Как, в свою очередь, помнит Донбасс имена тех, кто помогал ему встать на ноги после гражданской войны, после разрухи, вызванной фашистским нашествием.

Над восстановлением Донбасса шефствовал комсомол страны. Сейчас комсомол шахтерского края взял шефство над будущим городом дальневосточной столицы.

Вечером объявляется концерт художественной самодеятельности из райцентра. Где, какие знаменитости собрали бы такую плотность в зале?! Даже в тамбуре набилось столько, что с трудом открываешь дверь вагона. Им ничего не видно отсюда. Рады, что хоть слышно. По просьбе строителей артисты «работают» вторую смену.

Проводив гостей, Валерий Чижев, комсорт отряда, собирается пройти по вагонам. Хорошая возможность посмотреть весь поезд. Иду с ним.

Как кадры кинохроники, мелькают в открытые двери кусочки чужой жизни. Кто-то пишет письмо, кто-то читает. Из-за закрытой двери доносится негромкая песня. На верхней полке, забравшись в спальный мешок, крутит ручку транзистора монтажник Коля Чередниченко. Как почти все здесь, сильно охрип. Говорит, что скоро к нему приедет жена.

— С сыном? — спрашиваю я, кивнув на фотографию, прикрепленную над окном.

— Нет, он пока останется с родными, — отвечает Коля, — они близко — двадцать пять километров от меня.

«От меня» — это значит от краматорского дома. Он ведет еще счет теми расстояниями, хотя сейчас до его родных 25 километров плюс восемь тысяч через всю страну...

Застаем отголоски спора: стоило ли говорить на оперативке об одном поломанном деревце — сосенке.

— Понимаешь, — горячится парень в сером свитере, — бульдозера ее объехали, а он, шофер, зацепил. Развернуться, черт, не мог.

Примечательный факт. Он свидетельство нового взгляда на природу, понимания ее уязвимости и беззащитности перед натиском индустрии. Понимания тем более важного, что на Дальнем Востоке природа болезненно ранима, очень медленно, трудно залечивает раны, если залечивает вообще. Есть на трассе такие участки, где, как отмечают специалисты, «древесная

растительность естественным путем вообще не восстанавливается».

Теме «БАМ и окружающая среда» посвящаются капитальные исследования. Объединяют усилия биологи и географы, почвоведы и агрохимики, гидрогеологи... Наряду с понятием «территориально-производственный комплекс» (ТПК), утвердившимся в теории и практике, входит в жизнь понятие природно-территориального комплекса (ПТК). Сбережение природы в зоне такого грандиозного строительства, как БАМ, невозможно без тесного взаимодействия всех звеньев: проектантов, ученых, строителей... Каждое звено по-своему важно. Но последний и, быть может, решающий рычаг в руке того бульдозериста, который за безликой «древесной растительностью» видит или не видит, чувствует или не чувствует живую тонкую березку, строгую лиственницу...

Еще несколько лет назад такого разговора просто не могло быть. Эти люди пришли не покорять природу. Она для них союзник.

Мне вспоминается встреча в Чегдомыне, в доме старой учительницы Анастасии Гавриловны Латышевой, уроженки здешних мест. Дома у нее, в небольшой однокомнатной квартире, целый музей. Она собирает по поселкам старину — где-то ей подарили берестяную сумочку с орнаментом — изображением копытца дикой козы, в другом месте — туесок, в третьем смастерили модель соболиного капкана. Все это учительница бережно хранит для новоселов Приамурья. О многом она может рассказать и сама. На ее памяти кочевое детство, букварь, раскрытый в «красном чуме»... Биография ее семьи — это и биография эвенков, народа, обретшего права гражданства после Октябрьской революции.

Анастасия Гавриловна учит русскому языку детей дальневосточников: русских, украинцев, эвенков. Дочь ее заканчивает ординатуру в Москве.

— Наверно, приедет скоро домой, — между прочим роняет Анастасия Гавриловна. И задумывается, словно вспоминает что-то.

— Мне переводили «Чегдомын», как «черный камень», — воспользовавшись паузой, говорю я Латышевой. Анастасия Гавриловна энергично машет рукой:

— Нет! Нет! Название переводится иначе. Примерный смысл: Сосна Этой Воды. (Действительно, сосны в этой стороне растут только на Чегдомыне).

Мне нравится поэтичность ее перевода. И я знаю: и сосну, и редкую здесь березку сберегут новоселы. Оставят на Донецкой улице, на улице Артема, на площадях большого Ургала.

* * *

Лампочка в плафоне, ввинченном в потолок, едва светится. Светить она, видно, не может, а только светится, как далекая, негаснущая точка. На столе горит свеча, оплывший огарочек. В неровном пламени свечи фигурки на шахматной доске кажутся одинаковыми. Увидев гостей, шахматисты отложили партию, Иван Георгиевич Дятлов снял очки. Из-за этих очков, рассказывали мне, он едва не остался дома. Не пускали на БАМ врачи. Его, сварщика высшей квалификации, не пускали. Тогда он записался плотником. Плотником, сказали, можете. И он поехал.

Мигал огарочек, за окном с примерзшей к стеклу занавеской маневрировал состав. Ребята рассказывали о себе.

Дятлов вырос в маленьком забайкальском селе. В четырнадцать лет, после семилетки, поехал в Николаевск-на-Амуре, в мореходку. В училище принимали с восемнадцати.

— Подрасти маленько, — советовали то ли насмешливо, то ли с участием. Он вышел на улицу, поднял голову и увидел вывеску: ремесленное училище. Его приняли на сварщика. Потом по комсомольской путевке он строил жилье в Донбассе. Теперь будет строить здесь, тоже по призыву.

Ему тридцать шесть лет. Десять из них он комсомолец и двенадцать — коммунист. Как мальчишки поколения Бориса Горбатова, он мог бы сказать о себе: я никогда не был беспартийным. Вокруг него все время молодые ребята. Многим нет и двадцати. Как старший, Дятлов заботится о них. Политическая зрелость этих парней для него не абстрактная формула. Он хочет точно измерить ее, знать, где и что упущено, почему, как поправить. Есть привычные выражения: передо-

вой рабочий, современный рабочий. За ними я вижу таких, как Иван Георгиевич Дятлов.

Почему он выбрал Дальний Восток? Важен ли для него высокий заработок? Как рабочий человек, знающий цену трудовому рублю, он не отрицает этого мотива.

— Но прежде всего чтобы быть в интересном месте. Это точно! — Дятлов энергично рубит ладонью воздух.

На шум в приоткрытую дверь протискивается парень с чайником. Из чайника, до самой крышки наполненного разваренными пельменями, вырывается густой пар.

— Добавим к ужину. — Он ставит чайник на стол. И пока ребята налегают на угощение, он перечисляет: — Я шахту на Сахалине построил. И стан «600» в Коммунарске, и мемориальный комплекс на Миус-фронте в Красном Луче... — Парень налил себе кофе. — А как услышал про БАМ... Газету в руки — и в район. И знаете, не могу еще привыкнуть, что здесь мы надолго. Поезд мешает. Все кажется, вот-вот поедем...

— Ехали не на год, — тихо сказал Дятлов. — Надолго.

В Краматорске осталась его жена, учительница литературы. Он ездил в Чегдомын, в районо, узнать о работе для нее. Места есть, хоть сегодня можно выходить. В будущем поселке им обещают комнату. Ездить, правда, далеко — 41 километр до райцентра. Но жена согласна. Собирается.

Анатолий Васильевич Саманков не ошибся, приглашая с собой Дятлова. Есть в нем надежная основательность.

Свойственна она в не меньшей мере и самому Саманкову. Не все на стройке знают, что парторг начинал каменщиком. Потом учился в вечернем институте. Был главным инженером строительного треста в Краматорске, секретарем парткома. Несколько лет работал с Лукьяненко, по общему мнению, они хорошо дополняют друг друга. Начальнику тридцать восемь лет — исполнилось в день приезда в Ургал. Парторг на год моложе. Они оба едва ли не самые «старые» в поезде.

Как-то журналисты поинтересовались средним воз-

растом бригады Анатолия Андреевича Зосимова. И слышали в ответ, не примерно, не около, а точные цифры: двадцать девять и семь десятых. Таков же средний возраст и всего отряда «Донбасс».

Любопытное сравнение. Как отмечает профсоюзная перепись 1932—1933 годов, таким же — 29 лет — был средний возраст строителей и в те годы первого освоения комсомолом Дальнего Востока. Не стареет профессия!

Неизменным, впрочем, в ней остается только возраст. Надо ли говорить, что малограмотного грабара первых пятилеток давно сменил хорошо подготовленный монтажник, механизатор широкого профиля, наладчик... На одной из ударныхстроек выездная редакция «Комсомольской правды», в которой мне пришлось работать, провела анкету. Мы предложили читателям — молодым строителям — несколько вопросов о работе и учебе, о самом памятном событии на стане, о товарище, которому хочется подражать... Их ответы — штрихи к коллективному портрету строителя.

— На каких стройках ты уже работал?

«Это моя первая стройка, и думаю, что не последняя. Николай Лохин, техник, 20 лет».

Примерно в трети всех анкет такой же или очень похожий ответ. Так, наверное, и должно быть: с комсомольской стройки начинают ребята жизнь. Хорошо начинают.

Ну а остальные? Что они уже поставили на земле? И без большого воображения можно догадаться: кое-что успели сделать. И все же, читая бесстрастный, как в личном деле, перечень их работ, поражаешься. Кажется, нет на земле края, где бы они не поработали: Рудный, Новокузнецк, Темиртау, Алтай и Братск, Красноярская ГЭС. Листка не хватает, чтобы назвать все города, и тогда заканчивают так: «В общем, на всех стройках Урала, Казахстана, Востока. Слесарь-монтажник Евгений Камушкин». «Казахстан, Сибирь, весь Урал. Слесарь-монтажник Николай Горшенин». «На всех стройках Магнитогорского металлургического комбината. Старший прораб Борис Никулин».

— Кому из тех, с кем ты рядом работаешь, ты бы хотел подражать и за что?

Назвать всех перечисленных довольно затруднитель-

но — сотни имен. Да и само перечисление мало что скажет. Интересны мотивы выбора: почему из многих товарищей и коллег выбрали именно этого человека, что в нем привлекло, какие качества, какие черты характера?

Чаще всего выбор обоснован качеством человеческих отношений: внимание к товарищу, душевность, отзывчивость, доброта и забота... Но, пожалуй, ни один человек не ссылается только на это. Рядом строчки о работе: «Хочу подражать бригадиру Крученкову за знание дела, за деликатное отношение к людям. Плотник Виктор Свинцов, 24 года». «Я бы хотел подражать своему бригадиру Василию Мищуку. Он у нас хороший, добросовестно работает и всегда нас понимает. Плотник Виктор Михайлов, 20 лет».

Мы привыкли к тому, что в нашей стране славен человек труда. Доска Почета, Аллея передовиков, почетное звание... Очень примечательно, что эта оценка общества дополняется отношением товарищей. «Я во всем беру пример с бригадира Федора Шакировича Хасанова, почетного строителя РСФСР. Мне нравится его трудолюбие, честность и высокая культура труда. Хочу стать таким, как он. Монтажник Александр Корзухин, 22 года».

— Твои увлечения? Чем занимаешься в свободное время?

Собранные воедино ответы на этот вопрос убедительно свидетельствуют о широте и разнообразии интересов молодых строителей.

«Очень люблю в свободное время читать книги. Электромонтажник Георгий Князев, 17 лет».

В самых разных вариантах — «очень люблю книги», «люблю рыться в книгах», «люблю читать, собираю книги» — дополняют ответ Георгия Князева его товарищи. В каждой второй анкете встречается короткое, но выразительное признание в любви к книге. И по праву в характеристике строителя ударной пишем «книголюб».

«Много времени уделяю учебе. Машинист автокрана Александр Казаков».

Саша занимается на подготовительных курсах в институт. И находит время для спорта, кино, театра.

Вот как интересно получается: у человека увлеченного как будто и сутки становятся большими. Плотник

Николай Демидов учится на четвертом курсе вечернего института, увлекается спортом, книгами, искусством. Монтажник Александр Корзухин учится в 10-м классе школы рабочей молодежи, его немногие свободные часы занимают кино, театр, музыка, спорт, чтение технической литературы. «И еще отдаю свободное время комсомолу — стараюсь организовать отдых ребят».

Дополним характеристику: «книголюб», «общественник», «спортсмен» — половина авторов анкет в качестве любимого увлечения назвала спорт.

— Самый памятный случай на стройке?

«Все строительство останется в памяти. Плотник Анатолий Кузьмин, 18 лет».

Пройдет время, и другие ребята скажут так же о БАМе: «Вся стройка останется в памяти».

...Отряд «Донбасс». У каждого две-три специальности. Как минимум, четвертый разряд. А чаще — пятый и шестой. Больше половины — коммунисты и комсомольцы.

О них, о своих товарищах по работе, сложил душевные строки Паша Заходенько, бульдозерист из Тореза. Большой и грузный, как его машина, Паша сидел, занимая чуть ли не полвагона. Приятели беззлобно подшучивали над его силой — обычная участь богатырей. Потом Павел достал школьную тетрадку. В ней были четыре стихотворения. Два об оставленном дома лете, два о зиме, в которую приехал, и будущем городе. Самые сильные, контрастные впечатления, видно, схлестнулись в его доброй, широкой душе и высекли поэтическую искру:

Пусть нет здесь звенящих трамваев
И нет здесь манящих афиш,
Немного еще в этом крае обыкновенных крыш...

В безыскусной простоте стихов было что-то притягательное. Почему-то вспомнились фронтовые заметки Твардовского о солдатских стихах. У самого простого человека в жизни, писал Александр Трифонович, особенно на войне, в разлуке с близкими, в соседстве с опасностью, в труде и всяких испытаниях, которых не вынести, если не знать или не чувствовать великого их значения, бывают такие минуты, когда хочется говорить каким-то особым языком. Вот такие минуты, видимо,

пережил в Ургале бульдозерист Паша Заходенько. И вечером, ломая затерявшийся в его большой пятерне карандаш, он писал в тетради, взятой у сына, свои первые стихи.

* * *

Обратно, в свой вагон, мы возвращались вдоль поезда по улице Донецкой. Рядом негромко работали моторы. Больше ничто не нарушало тишину. В купе засыпали рабочие ребята. О многом мы переговорили с ними, но ни один не заговорил о быте. Не было нужды. Когда быт нормальный, о нем как бы забывают.

— Бога гневить нечего, — сказал Дятлов. — Знали, куда ехали. По этим условиям лучше быть не может...

Ничего особенного будто бы не сделали в «Донбасе». Организовали в несколько смен питание с оплатой талонами. Прием и стирку белья — специальная машина отвозит в райцентр, через три-четыре дня привозит обратно. Открыли швейную и сапожную мастерские, парикмахерскую. Мастеру по ремонту сложной бытовой техники пока работы немного — он стал банщиком. Баню привезли с собой. Как полезно после морозной смены забраться в парилку, плеснуть на камни воду, окунуться, задыхаясь, в сухой жар...

Все такие мелочи быта, что вроде бы и писать о них неловко. Но представьте жизнь без этих «мелочей».

Перед поездкой на БАМ я перечитал воспоминания строителей Комсомольска-на-Амуре. Один из них — Михаил Ильин — вел дневник.

«10 января 1932 года. Наш путь до Тихого океана продолжался 55 суток.

...Утром 7 мая мы прибыли в Хабаровск, вечером того же дня взошли на борт парохода «Колумб», а сегодня утром бросили якоря у левого берега Амура, напротив села Пермское. Вплотную к селу подступает вековая тайга.

По шаткому трапу мы сошли на берег. Под нашими ногами тоскливо скрипела галька, обкатанная речным прибоем. После разгрузки пароходных трюмов среди наваленных кучами мешков и ящиков состоялся первый митинг. Дали клятву — задание партии выполнить во что бы то ни стало!»

В родословной Комсомольска особо примечательны две вехи. Село Пермское, на месте которого выстроен город юности, одно из первых переселенческих сел в Приамурье. Оно основано пермяками в 1860 году. Комсомольск же — первенец комсомольских городов на востоке страны. Символические начала, и каждое под стать своему времени.

На восемнадцатом году биографии, то есть век назад, в селении Пермском, как сообщает географо-статистический словарь Амурской и Приморской областей, числилось: «Часовня во имя св. прор. Ильи, дворов 26 и жителей 78 муж. и 82 жен. пола. Занятия жителей: заготовка дров для пароходов, почтовая гоньба, рыбный промысел и в незначительных размерах земледелие...»

Комсомольск-на-Амуре свое совершеннолетие встретил рабочими гудками «Амурстали», «Металлиста», нефтеперерабатывающего заводов... Сегодняшний Комсомольск — крупный промышленный и культурный центр. В нем десятки заводов и фабрик, два института, 128 библиотек, драматический театр...

Слово председателю совета первостроителей Комсомольска-на-Амуре Михаилу Гавриловичу Ильину:

«...Мы были в большинстве своем металлисты — токарники, фрезеровщики, кузнецы, слесари. Но для начала нам пришлось стать раскорчевщиками.

Свою первую зиму комсомольцы проводили не в бараках и даже не в землянках, а в шалашах. Да и те едва успели построить к осени. Обыкновенные шалашы, обмазанные по скатам глиной, с железными печками-«буржуйками». В них и провели свою первую зиму, а она была холодная, мороз стоял — 60 по Цельсию.

В эти морозы продолжали наружные работы, рыли котлованы. Сперва рвали землю аммоналом, потом отогревали ее кострами, углубляли, расширяли вручную — землеройных машин тогда не было. Земля была тяжелая. Да еще мучила цинга, свирепая северная болезнь, вызванная недостатком пищи, овощей и фруктов».

Трудности усугубились еще тем, что «не было теплого жилья. Строители спали на голых нарах. Не завезено ни одного кирпича, и не из чего делать печи... В Хабаровске осталась зимовать значительная часть продуктов. Не припасли постельного белья, обуви, одежды».

Так начинались многие стройки. И не оттого, что не хватало у страны тепла и внимания на всех. Торопились строить. Это раз. Сказывалась многовековая привычка к трудному обживанию новых районов: на новом месте, мол, и нельзя иначе. Был и расчет, прямо скажем, на энтузиазм, готовность молодежи к трудностям. Очень убедительно говорит об этом один из героев «Сахалинских тетрадей» В. Канторовича — Константин Еремеевич Загоруйко. Он приехал на остров по мобилизации ЦК ВЛКСМ в счет «1200», был комсоргом Агневского комсомольского комбината.

«В те времена, — размышляет К. Е. Загоруйко, — пытались любую высоту брать на «ура». Слишком часто организаторы и опекуны Комсомольского комбината полагались на то, что «ребята молодые, восторженные, если где что и не подготовлено — возьмут энтузиазмом!». И мы брали! Да еще сами гордились, что все на свете выдюжим. А теперь видно, что вредна эта установка на голый энтузиазм. Не будь многих напрасных испытаний, тысяча двести сэкономили бы силы. И, наверное, сделали бы еще больше хорошего для острова...» *

Да, романтичен палаточный город. Но каково было тем, кто прожил в нем три сибирских зимы, как случилось это при строительстве города Шелехова в пятидесятые годы?! Вспоминаю многотрудное начало Восточного порта, порта в бухте Врангеля близ Находки. Один из крупнейших портов страны начинался со старого, списанного парохода по имени «Приморье». Это было красиво, многие журналисты, и я среди них, отдали дань «Приморью». Но тех, кто жил на сырой развалине, она умиляла меньше.

Сколько душевных сил, сколько нервов отняла у строителей Восточного порта элементарная житейская неустроенность! Надо погладить одежду — ищи единственный на все общежитие утюг. Заменить постельное белье — жди чуть ли не месяц. Фильм посмотреть нигде. Получить консультацию у врача — езжай за тридцать километров в Находку.

Через три года после начала строительства порта одна уважаемая газета писала, что два или три года — срок небольшой. «Как раз столько тратили первопроходцы, чтобы добраться от центра России к берегу Тихого

* В. Канторович. Сахалинские тетради. М., 1965, с. 115.

океана». Очень четкая позиция. Раньше двух-трех лет нечего, мол, и требовать каких-то удобств.

Этот взгляд не столь анахроничен, как может показаться. Он имеет под собой давнюю основу и немалые традиции, идущие от тех лет, когда на Сахалин, Камчатку, Приамурье и Приморье смотрели лишь как на богатую, бездонную кладовую, а на дальневосточника — как на человека временного. Зашибет, мол, денегу и уедет. Кстати сказать, такая психология в немалой степени поддерживает рвачей.

Очень яркие портреты таких недалеких хозяйственников нарисовал в своих дневниках Александр Михайлович Латышев. Выпускник известного в педагогической среде Лукояновского педучилища, он преподавал на севере Хабаровского края. Потом перешел в газету. Мне не удалось его увидеть — он умер. Жена Анастасия Гавриловна бережно хранит его тетради. Вот несколько наблюдений из одной командировки А. М. Латышева.

Приехав два с половиной года спустя в знакомый район, он записывает в дневнике:

«Все та же привычка к спартанскому образу жизни в плохом смысле этого слова. Главная цель — рыба, план затмевает все остальное. Здесь не замечают «мелочей быта», настолько увлечены трудной, грандиозной задачей. Вроде и похвально. Но хвалить не за что.

У всех чувство временности — как будто через два-три года уедут. Никому ничего не хочется делать капитального в смысле устройства быта. Текучесть чрезвычайно велика».

И еще через несколько страниц:

«Контора комбината — барак-временка. Стены обшарпаны и ободраны, двери без ручек или висят на одной петле. В кабинетах нет мебели. Столы на крестовинах, табуреты на трех ногах, да и тех не хватает. Приходит рабочий к директору, сесть не на что».

Заместитель директора комбината эту бытовую неприиспособленность объясняет по-своему: «Здесь суровый край, и мягкое кресло ни к чему. Вместо шкафа можно приспособить ящик, вместо стола и табуреток — тоже рыбные ящики».

Случилось так, что сразу после командировки на БАМ мне пришлось быть на сессии Верховного Совета СССР. Тревоги и заботы дальневосточного газетчика, его размышления получили здесь веское продолжение.

— Суровые климатические условия требуют больше внимания к улучшению жилищно-бытовых условий, организации медицинского обслуживания, — говорил с трибуны сессии первый секретарь Читинского обкома партии М. И. Матафонов. — Однако непроектируемая сфера у нас развивается слабо. Особенно недостаточно строится жилья, детских, лечебных и других учреждений соцкультбыта. Основной причиной этого является нарушение комплексности застройки. Вопреки логике, отдельные министерства строительство жилья, коммунально-бытовых учреждений откладывают на последние сроки, а то и вообще не планируют. Все это не способствует своевременному освоению вводимых мощностей и закреплению кадров.

Это действительно так. Социологи, изучая миграцию населения на Дальнем Востоке, отметили: взамен 100 человек, приехавших в города региона из других городов и сел, выбывает 112. Но на каждые 100 приезжающих горожан уезжают 132 человека. Дальневосточного горожанина постепенно заменяет крестьянин. Вывод социологов: «Условия жизни населения в дальневосточных городах больше удовлетворяют выходцев из села, чем коренных горожан. Такой характер перераспределения населения сдерживает рост культурно-технического уровня работников дальневосточных городов».

Условия жизни — формула емкая. Возьмем лишь несколько ее составных.

Жилье. По данным ЦЭНИИ при Госплане РСФСР, «восточные районы не имеют преимуществ в жилищных условиях, тем более что качество жилой площади здесь значительно ниже, чем в центральных районах». Доля благоустроенного жилья ниже, чем в республике, на двадцать процентов. Значительно меньше домов с водопроводом и канализацией, центральным отоплением. Живучи оказались бараки — «крейсера», как называют их в Артеме.

Детские учреждения. Детсады по всей стране строят из расчета на 10 тысяч жителей. Норма одна. Что в Подмоскovie, что в Приамурье. Однако, по мнению специалистов, этот показатель не совсем пригоден. Он не «замечает» громадных дальневосточных расстояний, разбросанности населенных пунктов. Не учитывает разницы в составе населения — в районах освоения, пионерных районах, больше молодежи. Здесь, естественно,

выше рождаемость. Предложение экономистов: на Дальнем Востоке в расчете на каждые 10 тысяч человек мест в детских садах должно быть больше. Такая прибавка не только пополнит бюджет молодых семей. Она снабдит производство дополнительными рабочими руками.

Пример, ставший уже классическим. Несколько лет подряд в поселок Теплоозерского цементного завода (Хабаровский край) привозили по 120—150 сезонников. А 300 женщин сидели при детях: не хватало мест в детских садах и яслях. Такое же положение сложилось несколько лет назад в Находке, только в больших масштабах. Здесь своей очереди ждали около 6 тысяч малышей.

«Минимальная средняя плотность населения, несмотря на повышенные расходы фондов общественного потребления на одного человека, вынуждает к еще большим затратам, — отмечает член-корреспондент АН СССР П. Г. Бунич. — Больницы, школы, техникумы, вузы, театры строятся на значительном удалении от многих населенных пунктов. В итоге по данным статистики их сравнительно много, а фактически пользоваться ими трудно.

Если добавить к этому суровые климатические условия, повышенный уровень розничных цен, большие отпускные затраты, недостатки в организации торговли и сферы услуг, то станет ясно, почему из нескольких приехавших на Дальний Восток закрепляется и остается здесь только один человек» *.

Дефицит трудовых ресурсов, по мнению ученого, можно преодолеть, создавая на Дальнем Востоке лучшие жизненные условия, а также усиливая технический прогресс.

Молодежь с готовностью едет обживать новые края, начинать жизнь с первого колышка, первого дома, первой улицы. Энтузиазм первостроителей велик. Но это драгоценный металл, а не разменная монета. Надо беречь его. Так, как это делается сейчас на одном из участков Байкало-Амурской магистрали, где мне посчастливилось побывать, у строителей отряда «Донбасс».

Следом за ним на БАМ приехали полностью экипированные механизированные колонны «Таджикистан» и

* «Экономика и организация промышленного производства», 1974, № 5, с. 91—92.

«Волгоград», строительные отряды из Молдавии и Киргизии, Горьковской области и Алтайского края, Белоруссии и Грузии... Вся страна строит БАМ. Шефы из Молдавии поставили временный поселок на станции Алонка. Ленинградцы построят станцию Нижнеангарск, подмосковные строители — Дипкун, Тутаул и Дымкоуль, литовские — Кичеру, латышские — Токсимо...

БАМ начался как принципиально новая стройка. Не с палаток, а общежитий. Не с временок, а благоустроенных поселков со школами — пусть вначале и для пятерых учеников, — с детсадами, пекарнями, клубами. Стиль БАМа, несомненно, скажется и на других дальневосточных стройках.

* * *

— Ну как тут у нас? — с ходу спросили меня. — Заметны перемены?

Об этом можно было и не спрашивать. В воду, потеснив сопки, смотрелись громадины краны и прожекторные вышки. Рельсы железной дороги перебегали грунтовку. В глубине распадка поднимались многоэтажные дома.

Ничего этого не было два года назад. Только первые просеки да теплоход «Приморье», отплававший свое старикан. Первыми обжили теплоход одесситы, «одесский десант», как говорили тогда. В тихой бухте близ Находки добровольцам предстояло построить один из крупнейших портов мира — порт Восточный. Его грузооборот в несколько раз превзойдет сегодняшнюю Находку, заметим кстати, сегодня второй по грузообороту порт страны.

...Утром Первого мая в бухту Врангеля за строителями глубоководного порта пришел дежурный катер. Их пригласили на демонстрацию в Находку. Стояла обычная для этих дней погода: с низкого сырого неба на холодную воду сыпалась нудная морось, порывами налетал с моря ветер, такой промокший, что хоть бери его и отжимай. В белой тоненькой рубашечке с галстуком прыгнул на влажную палубу парень. В руках у него был главный лозунг их колонны: «Даешь мировой порт!»

Лозунги писали ночью, после работы, расстелив

прямо на полу каюты красное полотно. Потом взялись за эмблему. Когда закончили, в иллюминаторы уже заглядывало солнце. Зато эмблема получилась на славу — по голубому полю плыл кораблик с высокими мачтами, а над ним висела стрела портального крана.

Генка Довнер, обладатель роскошной рыжей бороды, первым поздравил своего бригадира и художника Витю Долгова, и он, сдержанный, даже чуть суровый на вид, неожиданно мягко улыбнулся. Когда у Долгова спрашивают, почему он, одессит, приехал на такую далекую стройку, он только кивает на Довнера: «А я шатаюсь вместе с Геной».

Приплясывая на волне, катерок выбегал из бухты, окруженной этажами сопок. Ребята смотрели, как сливается с берегом горстка хатенок, поставленных у тихой бухты еще дореволюционными переселенцами, как уменьшается, будто на детской картинке, накрепко привязанный канатами к берегу пароход «Приморье». Они отжили свое — и заброшенный поселочек с заплатками огородов на склонах сопок, и постаревший пароход. В его каютах теперь обосновались широкие канцелярские столы, пишущие машинки и счеты. И вместо былых разговоров о глубинах и ветрах здесь, словно в тихой конторе, слышишь, как переговариваются сотрудники: «Вы не брали мой дырокол?» О пароход, скиталец морей!..

...Грузовик, на котором отправили в Находку щит-эмблему, к началу демонстрации опоздал. Но небольшую колонну из бухты Врангеля узнавали и так. В их залихватских призывах, в их быстром шаге, компанейности было что-то притягательное: к ним пристраивались и пристраивались люди. Ребята откровенно гордились общим вниманием и, казалось, понимали его: идут строители крупного порта, нового города. Только первый, самый первый дом проклюнулся там, где поздней осенью по пояс в снегу они рубили просеки и ставили петли на зайцев. Только несколько дней назад под угловые блоки этого дома все бросали серебро — сколько было в карманах. И я бросал вместе со всеми — на счастье!

Нам свойственно по-разному воспринимать одни и те же события. Находка примерялась не просто к строителям. Находка узнавала в них себя, комсомольский город пристраивался к своей молодости.

Затуманенными глазами смотрел на молодую колону бригадир строителей Гурий Петрович Крылов. Как все повторяется! Только лозунг его молодости был другим: «Даешь Находку!» С этим лозунгом мчал на восток эшелон комсомольцев Владимирской области.

Перед отъездом друзья Гурия Петровича раздобыли тельняшки: «Все-таки на Тихий океан едем!» На десятые сутки поезд добежал до моря, и они, схватив мыло, бросились к воде. Не знали, что морская вода не мылится. Они еще многого не знали — ни в самих себе, ни в товарищах. Думалось, самое трудное — научиться строить, привыкнуть к переменчивой погоде... Нет, труднее всего привыкали к разлуке с тем, что жило незамеченное рядом. С улицей, что помнит твои мальчишечьи игры, со старой ткацкой фабрикой... Долго еще встречные казались им похожими на давних друзей... На стройке начали с котлована.

— В момент нахлопали мозолей.

«В момент» — любимое выражение Крылова. Строить — его любимое занятие. И это не просто красивые слова. Кто-то подсчитал: в домах, построенных его бригадой, живет десятая часть Находки. А численность населения этого города, между прочим, перевалила за сто тысяч. Большую Находку — причалы для океанских судов, первоклассный порт, многоэтажные дома — для каждого сначала надо отвоевать у скал площадку — построили добровольцы комсомольского призыва. Шесть миллионов кубических метров гранита переворочали люди, освобождая место для города. А он поднимался, расправлял плечи, креп. И не один он.

Десятки новых городов и поселков выросли на берегу океана в последние годы.

Динамичный рост характерен для всех дальневосточных краев и областей. Возьмем, к примеру, Приморье.

За годы восьмой пятилетки в хозяйство края было вложено почти 3 миллиарда рублей — построены десятки предприятий, 3,5 миллиона квадратных метров жилья. Девятая пятилетка прибавила 150 новых заводов, фабрик и цехов, около 5 миллионов квадратных метров жилья, крупные объекты социально-культурного назначения. Огромные преобразования принесет краю десятая пятилетка. Ежегодно строителям предстоит

осваивать до миллиарда рублей. Никогда еще в развитие экономики Приморья государство не вкладывало столько средств.

Так же бурно развиваются Камчатка, Сахалин, Примурье... За цифрами роста — стратегический курс партии на ускоренное развитие восточных районов.

Перелистаем планы наших пятилеток — от первой до десятой. В каждом есть раздел: размещение производительных сил. Последовательно, настойчиво партия решает выдвинутую еще В. И. Лениным задачу — улучшить размещение производительных сил, повысить эффективность территориального разделения труда. Исторические вехи на этом пути — Урало-Кузнецкая программа, нефтегазовый комплекс Западной Сибири, Братско-Усть-Илимский комплекс, БАМ.

И в «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» предусмотрено дальнейшее наращивание экономического потенциала восточных районов и повышение их роли в общесоюзном производстве промышленной продукции. На Дальнем Востоке по планам десятой пятилетки обеспечивается комплексное развитие хозяйства, увеличение добычи цветных, редких, драгоценных металлов и алмазов, производства лесной, целлюлозно-бумажной и мебельной промышленности. Будет завершено строительство Зейской ГЭС, даст ток Колымская, начнется строительство Бурейской гидроэлектростанции.

На Дальнем Востоке все яснее проступают контуры крупных народнохозяйственных комплексов. Один из них — Южно-Якутский. Там уже начато сооружение Нерюнгринского угольного разреза, обогатительной фабрики, ГРЭС. От Тынды к Беркакиту легли рельсы.

В промышленном освоении новых районов, как подчеркивают съезды ВЛКСМ, все более возрастает роль комсомола. Знамя Ленинского комсомола во втором году десятой пятилетки поднято над 125 крупнейшими новостройками. 107 тысяч добровольцев направил на ударные стройки ВЛКСМ в 1977 году — 3 тысячи из них на БАМ.

По воле партии на востоке создаются условия для дальнейшего притока населения и закрепления кадров. Взят курс на опережающее развитие жилищно-бытового и социально-культурного строительства.

Мы ехали с Гурием Петровичем по городу, опоясав-

шему редкостной красоты бухту, и он то и дело оставлял машину:

— Вот этот дом — первый. Так и называем его: «Наша дипломная работа».

— А в этом доме я живу, рядом Веселовы — тоже александровские... Сами для себя строили... И для людей.

Во Владивостоке, в краеведческом музее, я видел комсомольскую путевку депутата Верховного Совета СССР Гурия Петровича Крылова: «Тов. Крылов по призыву Коммунистической партии и Советского правительства добровольно изъявил желание самоотверженно трудиться на важнейших стройках и предприятиях в восточных и северных районах страны и направлен комсомольской организацией г. Александра на строительство предприятий порта Находка». Рядом комсомольская путевка Вали Крыловой, его жены, путевка Алеши Веселова...

Комсомольская путевка, комсомольская стройка... Эти литые слова вошли в нашу жизнь с Магнитостроем, Комсомольском, Днепрогэсом... Тяжелая индустрия проверяла на прочность характеры молодых наших отцов. Рабочие смены по двадцать часов в сутки. Кайло и тачка до кровавых мозолей. Время вызывало на отчаянную дерзость. Ждущие провала наших планов заокеанские наблюдатели снимали шляпы перед упорством рационализаторов в лаптях.

Стихи поэта Бориса Ручьева, посвященные мужеству и упорству первостроителей, «напечатаны» теперь на бетоне постамента памятника первой палатке в Магнитогорске. У палатки с бетонными крыльями всегда кто-нибудь стоит. Не праздный экскурсант. Кто-то из тех, кто жег здесь в те годы золотые костры, кто хочет взять от них частицу пламени... Каждый комсомольский город по-своему неповторим и прекрасен. Иван Васильевич Комзин, доброволец первого комсомольского призыва, прославленный гидростроитель, написал в своей повести «Это и есть счастье» примечательные строки: «Какой ни возьми героический подвиг на Куйбышевгидрострое, я скажу: было такое на Магнитке! Было!»

Это убеждение наверняка разделят все первостроители. Их можно понять: они отдали новостройкам лучшие годы, свою молодость и, конечно же, всю жизнь

смотрели и будут смотреть на города своей юности взволнованно и пристрастно. Но даже объективно, со стороны — почитай, послушай, посмотри — Магнитогорск, Комсомольск, Братск представляются гигантской, героической эпопеей, которая вобрала в себя энтузиазм, самоотверженность, даровитость всего нашего народа, помогла выковать краеугольные черты характера советской молодежи.

В тридцатые годы энтузиастов манил Комсомольск. Теперь он провожает в дорогу своих сыновей и дочерей-комсомольчан по рождению и по духу.

«Дорогие товарищи! — пишут в комсомольский комитет десятиклассники школы № 46 города Комсомольска-на-Амуре. — В этом году мы заканчиваем десятый класс. За годы учебы мы очень сдружились, и теперь нам не хочется расставаться. Хорошо подумали и решили, что дальше пойдем вместе. Мы живем в городе, который, несмотря ни на какие трудности, воздвигали комсомольцы 30-х годов — наши отцы и матери. Вот и нам хочется пойти по их пути — построить новый город. Рядом с Комсомольском строятся Амурск и Солнечный. Пошлите нас туда, где нужны молодые, крепкие руки. Мы любим родной Дальний Восток. Здесь мы родились и выросли, здесь учились и дружили. С Дальним Востоком у нас связано все самое лучшее, а поэтому мы хотим, чтобы он стал еще краше, богаче. Мы готовы вложить в его развитие все свои силы и знания. Мы просим направить нас всем классом на одну из строек края. Знаем, что нас ждут трудности, но наша крепкая дружба, взаимовыручка помогут преодолеть трудности. Нам ясно и то, что, прежде чем идти в вузы, нужно узнать работу, полюбить ее, выбрать специальность по душе.

Еще раз просим послать нас на стройку».

Ранней весной 1958 года на место будущего Амурска приехало 260 молодых комсомольчан. Добровольцев встречали Магадан и Находка, Солнечный и Южно-Сахалинск. Многие из них навсегда обосновались в городах и поселках, построенных своими руками. Я встречал их в дальневосточной Находке и Кировске, столице комсомольских шахт, на Сахалине и на Камчатке. В бригадном вагончике, очень уютном, чистом, с библиотечкой и приемником, купленными в складчину, мы говорили с Гурием Петровичем о его сверстни-

ках: кто и где теперь. И вышло, что больше всего здесь, в Находке.

— Ваня Ксенофонтов стал слесарем-лекальщиком. Жена его Валя по-прежнему работает в бригаде. Недавно демобилизовался их сын Саша, тоже к нам пришел. Так сказать, второе поколение добровольцев. Это уж коренные дальневосточники. Они, дальневосточники, хорошо понимают тех, кто также хочет поставить свой город на необжитой земле.

Следом за первыми отрядами на БАМ, в порт Восточный, на Дальний Восток готовы приехать тысячи и тысячи людей. Я читал их письма в комитетах комсомола, в отделах кадров стройуправлений, и за строками откровений, признаний, просьб проступали черты коллективного портрета добровольца.

Почти у всех, кто собирается на Дальний Восток, есть профессия.

«Я работаю на тепловой электростанции машинистом котлов. Учусь заочно в институте по специальности судовые машины и механизмы» (Г. Якименко).

«Я строитель. В 1969 году окончила Львовский строительный техникум. Мне 25 лет. Дальний Восток — моя давняя мечта. К сожалению, когда я кончала техникум, направлений на Дальний Восток не было. Думаю, что вам нужны рабочие руки, и я никогда не буду там лишним человеком» (Ирина Митина).

Почему они выбирают Дальний Восток?

«Мы очень хотим работать на строительстве Байкало-Амурской магистрали. Но в комитете комсомола нет путевок. Так что мы решили ехать самовольно. Неужели прогоните? Мы согласны копать землю, чистить территорию, выполнять любую черную работу, а то вдруг потом, когда понадобятся люди, мы опоздаем...» (Кобзева Зина, 22 года, комсомолка. Приходько Рая, 24 года, комсомолка. Фатеева Валя, 24 года, член КПСС).

«Мне стало известно, что у Находки планируется строительство крупного нефтеперерабатывающего завода. Я хочу внести свой посильный вклад в это большое дело. Хочу быть на стройке с самого начала, чтобы с «нулевого цикла» отбросить все ненужное и лишнее, оставить то, что выверено практикой» (С. Басманов).

Люди собираются в дальнюю дорогу. Что интересует их в новом краю прежде всего?

«У меня есть несколько вопросов чисто житейского характера. Как у вас с жильем? Меня устраивает и не сразу, а в перспективе. Есть ли где учиться? Очень прошу ответить. Ведь если мы решимся ехать, то навсегда» (Ю. Зацепин).

«Основное условие — возможность продолжать учебу. Я студент-заочник Горьковского политехнического института» (С. Басманов).

«Вот и думаю я, собственно, не так я, как моя супруга, как нас встретит Находка? Будет ли работа? И вообще такие вопросы: холодно ли у вас? Нужно ли приобретать заранее теплые вещи и т. п.» (Р. Акимов).

«Только что закончили курсы машинистов бульдозеров. Нам по 23 года, холостые, имеем 6-е разряды. Можем работать на бульдозерах всех марок... Из газет знаем, что молодой стройке нужны энтузиасты, но нет нигде объявлений, какие конкретно специалисты нужны, в какую организацию обращаться.

Нас интересует: есть ли на стройке бульдозеры «Д-9ж», как обстоит дело со снабжением запасными частями, предметами первой необходимости, с жильем» (А. Науменко, С. Новиков).

«Работаем мы в Ивановском отделении инженерно-строительных изысканий. Хотели бы поехать всей семьей на БАМ. Мы могли бы поехать на стройку и не написав этого письма, но у нас двое маленьких детей. Поэтому просим сообщить, можно ли на стройке где-то устроить детей. Я понимаю, что строительство всегда связано с жилищными неудобствами. Нас они не пугают, а вот дети...» (В. Волгин).

Я привел лишь малую часть просмотренных писем. Но и они убедительно характеризуют облик человека, готового добровольно и надолго, возможно, навсегда перебраться на Дальний Восток, раскрывают его мировоззрение, его идеалы.

Опросы социологов подтверждают самохарактеристику добровольцев. Больше половины строителей инженерных рисовых систем — Всесоюзной ударной комсомольской стройки приехали в Приморье потому, что «хотели быть там, где труднее, хотели увидеть и узнать новое». Как правило, это молодежь старших возрастов, около сорока процентов семейные.

Они хотят устроиться основательно. Основательность — в противовес гастролерству — может быть,

самое главное, что отличает добровольца от сезонника. Вспомним, кстати, очень точное наблюдение Владимира Лидина, сделанное еще в 30-х годах. Проблема освоения края, писал он, «упирается прежде всего в проблему человека... Но край ждет оседлого человека, а не этой ежегодной волны, которая перекачивается взад и вперед».

В Комсомольске-на-Амуре есть улица Ивана Сидоренко. Это имя в свое время прогремело трудовыми рекордами на строительстве Харьковского тракторного завода и Днепрогэса. В числе первых комсомольцев Иван приехал в Комсомольск. В Отечественную добровольцем ушел на фронт. Он погиб под Сталинградом. Дело отца продолжили дети. Четыре сына Ивана и Евдокии Сидоренко, тоже, как и ее муж, первостроительницы Комсомольска, награжденной орденом Ленина, — коренные дальневосточники, уважаемые в городе люди.

Жизнь Ивана Сидоренко, его характер, отношение к делу, мировоззрение типичны для добровольца. Без рассказа о таком человеке портрет добровольца был бы, по-моему, неполон. Рассказывают о нем документы, письма, репортажи из старых газет.

«...Плоская крыша литейного накалена. Мы сидим с Сидоренко на станках, непонятно почему размещенных здесь. Сюда мы взобрались по сколоченной из досок лестнице после того, как безуспешно пробовали обосноваться в ячейке литейного (Сидоренко — ее секретарь). Если вы хотите поговорить с Сидоренко, то вам надо увести его куда-нибудь подальше от цеха, спрятаться с ним, иначе его ежеминутно отвлекут, вам так и не удастся поговорить с ним. То прибежит с выпученными серыми глазами паренек из ячейки МОПР и прочтет проект письма к берлинским строителям, то придет холщовый парубок — сезонник-строитель и попросится в учкомбинат на переквалификацию. Ведь Сидоренко, этот юноша (ему всего двадцать лет) с широкими сросшимися бровями, со взрослой суровостью во взоре, — это «командир комсомольского сквозного батальона красногвардейцев пятилетки». Того батальона, который награжден на Всесоюзном совещании бетонщиков знаменем газеты «Труд». Тот Сидоренко, который дал мировые рекорды по замесу...»

«...В этот день герой и командир штурмового ком-

сомольского батальона бетонщиков Иван Сидоренко вывел на строительство литейного цеха Харьковского тракторного завода 60 лучших ударников — комсомольцев и беспартийных. Сидоренко осмотрел поле боя за новый мировой рекорд.

Разместив в шахматном порядке своих ударников, Сидоренко отдал приказ начинать... К концу рабочего дня по Тракторострою разнеслась радостная весть. Сводный батальон Сидоренко дал 801 замес бетона!

Слух об успехах на Тракторострое проник за границу. На стройке побывал австрийский профессор Зайлигер, имеющий мировую известность. По его учебникам бетонировке учатся студенты почти всех строительных институтов мира. И вот профессор Зайлигер оказался в тупике при поставленном ему в упор вопросе:

— Как объяснить, что бетонщикам удалось перекрыть научную, теоретическую возможность в несколько раз?

Прямого ответа не последовало...»

Так писали о Сидоренко. А вот что он сам писал о себе, товарищах, своем городе.

«...Жили мы в шалашах, спали на траве и ветках. 19 июня нам прислали первую партию матрасов. Это было радостное событие. Поздно ночью мы легли на матрасы и начали писать письма родным. Возник вопрос: как сообщить наш обратный адрес? Если писать «село Пермское», то какое же это село, когда в нем уже семь тысяч жителей? К тому же село приютилось на самом берегу, а стройка находится вдали от села.

Товарищи предлагали назвать будущий город «Комсомолкой», «Комсомольцем». После долгих споров решили назвать свой город Комсомольском-на-Амуре. Утром решение закрепили, послав ходатайство от 216 бригад о присвоении новому городу родного нам имени...»

«В Центральный Комитет ВКП(б).

Копия: в партком строительства металлургического завода.

От члена ВКП(б) Сидоренко И. Д.

Работая на строительстве Амурского металлургического завода в течение шести месяцев, я не знаю, когда и в какой срок мы должны построить завод? И знает

ли кто-нибудь эти сроки? А ведь сроки — основной стержень мобилизации массы на выполнение плана. Мне же известно, что эти планы не выполняются, хотя завод строится давно.

С этим письмом я обращаюсь к вам, товарищи, потому что в период работы комиссии ГУМПа, которая изучала отставание строительства, я, беседуя с председателем комиссии Ивановым, задал вопрос: «Почему Амурский металлургический завод, по-моему, исключительно нужный для Дальнего Востока, и в частности для Комсомольска, строится уже три года, а сроков окончания строительства, хотя бы по очередям, не имеет? Ведь затяжка омертвляет капиталы!»

...Меня, прожившего в Комсомольске шесть лет, работавшего здесь по колено в воде, перенесшего цингу, голод, глубоко волнует судьба города, который построен в глухой тайге...

Нужен металл, нужен наш завод. Поэтому меня возмущает затяжка строительства металлургического завода...

Возможно, я ошибаюсь, но опыт, приобретенный мной на строительстве ХТЗ и Днепрогэса, подсказывает, что строить на Дальнем Востоке надо быстрее и работать стахановским методом труда.

18/II 1938 г.»

А теперь одно из его фронтовых писем.

«Здравствуйте, дорогие Дуся, мамаша, детки: Коля, Юра, Петя, Вася! Наконец-то у меня есть новости. Скоро я уезжаю на фронт! Знаю, Дуся, ты поймешь мою радость. Знаю, что трудно, горько придется тебе одной с детишками. Верю, однако же, что ты все вынесешь...

Встретимся, когда кончится война. А если придется в борьбе с врагом погибнуть, то расскажешь Васильку, каким был его отец. Это не просьба, это — наказ мой тебе, Дуся, расскажи детям обо всем, что мы пережили с тобой. Пусть они не думают, что жизнь подобна прогулке по красивому бульвару.

Целую всех. Ваш Иван.

14.II.42.» *

В августе сорок второго года почта принесла его последнее письмо. Из-под Сталинграда...

* См.: Строители трех городов. Документы. Очерки. Статьи. Воспоминания первостроителей. Хабаровск, 1967.

Евдокия Петровна сама подняла Николая, Петра, Юру и Василька, как любил называть младшего сына Сидоренко. Он наказывал сыновьям: «Будьте верными патриотами Родины, честными, стойкими, трудолюбивыми, отдавайте все силы великому делу социализма, партии и народа. А еще — любите наш славный город». Своим детям передают теперь сыновья коммуниста этот главный наказ отца.

Люди сознательно, по глубокому внутреннему убеждению выбирали далекий край и, понятно, быстрее приживались здесь. И, значит, в кадровой политике надо курс держать на таких людей. В сводной комсомольской бригаде, слава о которой гремела на Сахалине в 30-х годах, была формула:

Один комсомолец = двум парням.

100 комсомольцев = 300 парням.

Комсомольская организация = бесконечности.

По этой формуле живет плавстройотряд бухты Врангеля.

Все эти ребята работали в городах, на больших заводах и стройках, все свободное время отдавали общественной работе. И, кроме рабочих рук, привезли на Дальний Восток желание и умение работать с молодежью, заниматься ее воспитанием.

Помнится: жаркий летний день. В одной майке на холмах навороченной бульдозером земли стоит Саша Пенков, дирижирует тяжелой машиной. Он на больничном, но не усидел дома — надо помочь ребятам на субботнике.

Нет, не случайной волной прокатятся по этим берегам добровольцы. В просторной кают-компании «Приморья» мне как-то пришлось услышать их разговор с прогульщиком.

— Ты от какой организации ехал? Одесской? Позоришь всех нас.

Боюсь, что в передаче на бумаге эти слова покажутся дежурными, обычными. Но там, в кают-компании, слова о комсомольской стройке, о комсомольском долге звучали с изначальной чистотой. Для каждого, кто говорил их здесь, они были выношенным убеждением.

И для Саши Пенкова тоже. Ему, как и другим, трудно было расставаться с родным городом. Как раз сда-

вали десятиэтажный дом, по этим этажам он поднялся от ученика до каменщика третьего разряда... В бухте Врангеля он начал с дома поскромнее — одноэтажной временки. Первые новоселы назвали этот дом «Каравеллой». Саша сам сколотил стол и собрал стулья, легкой, решетчатой стенкой, украшенной живыми цветами, перегородил комнатушку. Пусть дом временный, но жильцы-то в нем постоянные. Напротив сухопутной «Каравеллы», на высоком отсыпном берегу, рядом со щитом «Всесоюзная ударная комсомольская стройка» в груде камня лежит большой якорь. Его сняли с парохода «Приморье» в тот день, когда стройку объявили ударной. Пароходу якорь уже ни к чему, а для строителей это символ. Здесь их причал.

Граница

Прощально мигают редкие огоньки на сопках. Скользя подошвами по влажному металлу, на палубе строятся матросы. Три часа утра. Ракетный крейсер «Варяг» уходит в море. На учения.

Даже непоседливая журналистская жизнь нечасто дарит такие рассветы. До костей пробирает ветер, а спускаться в тепло не хочется. С волны на волну, все мористее забирается корабль, словно торопится кому-то на выручку.

И переносит на семь десятилетий назад.

Японская эскадра — четырнадцать вымпелов — грозит атаковать два русских корабля — крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец» — прямо в порту Чемульпо. Здесь, правда, стоят и иностранные корабли — англичанин, француз, американец, итальянец, но их командиры решили: если русские не осмелятся выйти в море, переменить места якорных стоянок и дать возможность японцам расстрелять русских. Однако «Варяг» и «Кореец» не собирались ни воевать на нейтральном рейде, ни тем более сдаваться. Они выбрали бой в открытом море. Командир «Варяга», капитан первого ранга В. Ф. Руднев приказал собрать экипаж по большому сбору.

— Безусловно, мы идем на прорыв и вступим в бой с эскадрой, как бы сильна она ни была. Никаких вопросов о сдаче не может быть — мы не сдадим ни крейсера, ни самих себя и будем сражаться до последней возможности. Исполняйте каждый обязанности точно, спокойно, не торопясь, особенно комендоры, помня, что каждый снаряд должен нанести вред неприятелю... Пойдем смело в бой!

Курсом бессмертного «Варяга», курсом подвига идет новый «Варяг» — гвардейский ракетный крейсер Краснознаменного Тихоокеанского флота.

Нужно ли объяснять необходимость этой круглосуточной вахты? С детства у нас складывается понимание границы: черта на земле, полосатый пограничный столб, часовой... Когда-то этот рубеж держали одни пограничники. Сегодня «замок» на границе могут взломать и не приближаясь к ней. И потому ракетный гарнизон где-нибудь во глубине России, и ракетный корабль в открытом море — это тоже часовые СССР.

Понятно, наши светло-серые корабли, выходя в океан, не жалуются на недостаток внимания: виток за витком накручивают спутники-шпионы.

Однако пока горизонт чист. Ложимся на боевой курс.

В рубках и на броневых постах, в машинном отделении и кают-компании я присматриваюсь к матросам и офицерам. Самое сильное впечатление — молодость экипажа. Впрочем, таким и должен быть флот, подшефный комсомола. Им обоим не дано стареть.

Еще в 1922 году комсомол направил первых своих посланцев в Морские силы Дальнего Востока — так тогда назывался наш флот на Тихом океане. Их было 250. Год от года добровольцев становилось больше. 20 мая 1932 года по решению ЦК ВЛКСМ над Морскими силами Дальнего Востока взяли шефство западносибирская, восточносибирская и дальневосточная комсомольские организации, а затем и комсомольцы ряда железных дорог. На заводах и в школах открывались военно-морские кружки, комитеты комсомола помогали отбирать на флот лучших призывников. «В результате комсомольская прослойка достигла на флоте 40—50% всего личного состава»*. Восьмого апреля 1936 года, в канун X съезда ВЛКСМ, «Правда» писала в передовой статье: «Известно, какую роль сыграл комсомол в создании и укреплении нашего флота. Особо выдающаяся его роль была на Дальнем Востоке. Краснофлотцы и командиры стояли здесь часто у колыбели своих кораблей, сами строили базы. Огромные трудности, порой самые неожиданные, были преодолены в рекордно короткие сроки».

* Тихоокеанский флот. М., 1966, с. 124.

На X съезд комсомола по приглашению ЦК ВЛКСМ приехала делегация молодых тихоокеанцев. Возглавили ее командир бригады подводных лодок Г. Н. Холостяков и военный комиссар Н. Д. Мозговой. Мне не раз пришлось встречаться на комсомольских съездах, следах следопытов с прославленным подводником, Героем Советского Союза, вице-адмиралом Г. Н. Холостяковым. Талантливый наставник молодежи, он много сил, энергии, умения отдает военно-патриотическому воспитанию подрастающей смены, охотно вспоминает о былом. Ему есть о чем рассказать. Но, пожалуй, ни об одной встрече Георгий Никитич не рассказывает с таким увлечением и волнением, как о встрече с Николаем Островским.

К нему, комсorghу революции, пришли все четырнадцать моряков — гостей X съезда комсомола. Разговаривая, Островский прикоснулся к широкой золотой нашивке на рукаве Холостякова.

— Это наш командир, — сказали моряки, — он награжден орденом Ленина.

Островский пожал руку командиру, открыто улыбнулся:

— Мне бы надо быть сейчас на Дальнем Востоке, комиссаром батальона, например...

...Звонок боевой тревоги всколыхнул корабль. Ракетные установки чуть шевельнулись, затем плавно пошли вверх, разворачиваясь перпендикулярно к борту. Включается громкоговорящая связь:

— К бою готов!

— ...готов!

И наконец:

— Главный комплекс к бою готов!

Управление кораблем сосредоточено на главном командном пункте. Все данные устремляются сюда, к высокому, плотному человеку в адмиральской форме.

О нем говорят: на берегу не служил ни дня. Как же понимает такой человек слова «морская душа»?

Задумался. Кто-то из окружающих торопится подсказать:

— Так обычно говорят о тех, кто любит море.

— Что значит любит? — возражает адмирал. — Море иногда так выворачивает... Морская душа... Я сказал бы так о человеке, который выделяется в море тру-

дом. Ведь наша служба — это прежде всего тяжелый, нескончаемый труд.

Вчера в двенадцатом часу ночи у него еще горел свет. Сегодня с самого рассвета он в рубке, а потом на главном командном пункте. Подойдет к большим, как скатерти, картам. Припадет к окулярам. Коротко распорядится. Его несуетная манера будто передается окружающим.

13.00. Адмирал смотрит на часы.

— Наводка по ближней цели... Пуск по моей команде.

Корабли подходят к точке залпа. В тесной рубке прильнули к локаторам матросы.

— Четыре... три... два... Отбой!

До поры до времени отложен учебно-боевой ракетный залп.

...По пути на базу всматриваюсь в лица моряков. Что думают об этом дне? Ведь готовились к стрельбам. Не считают день потерянным?

— В море нет потерянных дней, — говорит адмирал. — Каждый выход чему-то учит.

Да, учит выдержке и мужеству, учит бдительности, учит защищать эту землю так, как защищали ее деды и отцы, как защищал «Варяг».

* * *

На моем рабочем столе лежит оплавленная капля металла. Это память о тех, кто, сменив фронтовиков, стережет дальневосточную границу сегодня.

...Помнится полный солнца день золотой приморской осени. Точно литая, лежала под солнцем Уссури. Такая, казалось, мирная... Девочка лет трех молчаливо играла на крылечке. Дочурка командира. Если есть в округе ее подружки, то лишь на соседних заставах. Игрет девочка, улыбается чему-то, и строгий дом с красной звездой выглядит таким обжитым, далеким от тревог...

Десятикратно сокращая расстояния, линзы приближают к смотровой вышке затянутые дымкой дали... Там что-то метнулось и растворилось в зарослях. Тревожный квадрат — под наблюдение.

Видимость заметно падает. Со стороны границы движется широкая белесая полоса — ливень...

А застава живет давно заведенным, четким порядком. Парни в маскхалатах с автоматами уходят в наряды. Кому-то выпал выходной — можно отоспаться. Кто-то пишет письмо домой, возится с фотоаппаратом, кто-то перелистывает альбом — подарок комсомольцев дальневосточного политехнического института.

Альбом открывается стихами, пусть несовершенными, но очень искренними и точными. Стихами о невидимой войне границы, о фронте, «где можно упасть убитым, на врага не успев взглянуть».

За стихами густо наклеены фотографии: голые до пояса ребята кладут стены, поднимают стропила... Это бойцы студенческих строительных отрядов возводили здание новой заставы имени Героя Советского Союза Ивана Стрельченко — подарок от комсомола Приморья.

На открытие приехало много гостей — студенты, строители, колхозники. Девушки привезли пограничникам букеты живых цветов. А колхозник, пенсионер Иван Яковлевич Полуда — полный бидон меда.

— То нашим детям, — сказал Иван Яковлевич, хотя его сыновья, как знали все, давно уж отслужили.

...Резкий пульсирующий звонок — сигнал тревоги с границы. И тут же, следом команда дежурного:

— Застава, в ружье!

Еще не отзвенел звонок, еще отзывается эхо команды, а парни с автоматами уже в строю. С черной как ночь Ракетой примчался инструктор службы собак. Наготове «газик». И конная группа уже поскакала к границе. Она займет рубеж, с которого просматривается весь участок. Главное — не дать нарушителям уйти. Остальное — дело поисковой группы.

Резко тормозим. Примерный район нарушения известен. Теперь надо «стать на след».

— След, Ракета, след, — просит пограничник.

Далекie от границы люди представляют собаку на заставе таким анахронизмом. Дескать, прошли времена Карацупы, теперь техника... Да, есть техника. Надежная, современная — по вполне понятным причинам здесь не место подробно говорить о ней. И все же заставе нужна и собака.

Ракета, прижав нос почти к самой земле, взяла

след. И повела, повела. Только бы хватило дыхания ребятам...

Фронт, где можно упасть убитым,
на врага не успев взглянуть.

В этот раз тревога учебная. Но сколько их было настоящих, боевых!

Возвращаясь с заставы, мы остановились в Дальнереченске, городе, возникновение которого пророчески предвидел известный русский путешественник М. И. Венюков. Здесь, писал он, «должен возникнуть один из важнейших центров населения на всей Уссури» *.

Было зябкое утро. Иней присыпал не успевшую пожелтеть траву, она просвечивала всюду зеленью надежды. Рядок елочек вел прямо к памятнику.

«Героям-пограничникам, павшим в боях при защите государственной границы Советского Союза.

Герой Советского Союза полковник Леонов Демократ Владимирович. 1926 — 1969, 15. III.

Старший лейтенант Маньковский Лев Константинович. 1941 — 1969, 15. III.

Начальник погранзаставы Григорьев Лаврентий Абрамович. 1899 — 1929».

1929 год. КВЖД. Старшему поколению советских людей эти четыре буквы говорят о многом. Первые бои с белокитайцами. Еще не военное предгорье, нет. Запахи сырого бетона вдыхает страна. А у дальних границ уже задувают пороховые ветры, уже идут бои и падают красные воины, отражая белокитайскую авантюру.

Как много говорят даты на памятнике. Три года было в двадцать девятом Деме Леонову. Как все мальчишки, он, наверное, любил играть в войну, в «белых» и «красных». Через много лет на далекой границе полковник Леонов встанет навстречу выстрелам.

Год рождения Левы Маньковского — сорок первый. Сорок первый, сорок вечный год... Страна защищала его детство, а он потом защитил страну.

Они навсегда остались на границе. Они на посту. За ними поднимаются новые города, названий

* М. И. Венюков. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1970, с. III.

которых им никогда не узнать, ложатся новые дороги, по которым ездить их ровесникам иного года рождения.

В разных городах их корни, а тут они сами стали корнем. И вечен этот русский корень на тихоокеанском берегу, как вечен у Москвы-реки и Волги. И вечны его побег.

По всей дальневосточной земле стоят в бессменном карауле часовые — матросы «Варяга», победители Хасана и Халхин-Гола, освободители Курил и Южного Сахалина.

**В «страну болот
и наводнений»**

Передо мной карта Приморья. В левом углу голубое пятнышко — озеро Ханка. Вокруг озера густая зелень, вся в мелких рисках, будто в комарье. Так принято обозначать болота.

Взгляд на карту возвращает меня к топким берегам Ханки, в «страну болот и наводнений», как называли когда-то этот угол. Долгие годы он был недоступен человеку. На ста тысячах гектаров простирались комариные болота.

Где-то там над бездонной топью поднялась одинокая и печальная, как утес в открытом море, сопка. Называли ее Сиротинкой.

С улицы его детства Сиротинка казалась совсем близкой.

— И мальчишкой я сказал однажды: будь что будет, а до сопки доберусь... — Мой собеседник неторопливо помешивает чай в большой кружке и, отхлебнув глоток, продолжает: — Почти вплотную подобрался, километра три, может, четыре осталось, да больше не могу и шагу ступить — прорва... И эти комары проклятые!..

Только тридцать лет спустя Ваня Носенко, став уже Иваном Прохоровичем, директором рисового совхоза, смог подняться на вершину своей мальчишеской мечты. Точнее, въехать. Он вел «Москвич» по хорошо накатанной дороге и не верил, что это те же самые гиблые места.

Те же самые. Только после прихода мелиораторов. На Сиротинке теперь их полевой стан, а вокруг — рисовые поля.

В ближайшие годы под рисом в Приморье будут сотни тысяч гектаров. На рубеже эпох, в семнадцатом

году, рис в Уссурийском крае занимал всего... два гектара.

Уместно вспомнить: первый проект освоения Ханки датирован 1923 годом. (Тогда же была создана и Дальневосточная рисовая опытная станция.) Только-только красные полки вышли к Тихому океану. Начинался первый мирный год Дальневосто́чья. Начинался с большой мечты — покорения «страны болот и наводнений». Однако время смелого проекта тогда еще не пришло. Он «был признан преждевременным и отложен». В 30-е годы в крае создаются первые рисовые совхозы. Но и это лишь подступы к большой работе — до середины 60-х годов все рисовое поле Приморья не превышало 12 тысяч гектаров.

С этого временного рубежа, с майского (1965) Пленума ЦК партии начинается настоящая мелиорация. Цифры в данном случае выразительнее слов — программа мелиорации Приморья предусматривает строительство 38 совхозов. Будет у них 435 тысяч гектаров земли — 284 тысячи из них надо мелиорировать. Вдумайтесь в эту цифру... Непросто строились новые совхозы в Казахстане. Плуги, бывало, ломала земля. Но все же земля, твердь была под ногами. А там, куда приходят мелиораторы, нет земли. Ее надо сначала сотворить.

Такая вот работа — сотворение мира. Не на день работа. И даже не на год. Выпадет год ненастным — и, бывает, ни клочка тверди с «конвейера». А ненастье здесь как по заказу.

Мелиораторы выбирают редкие погожие дни, между ливнями, пробуют новую технологию, экспериментируют с зимней планировкой почвы...

— Мы идем опытным путем, — рассказывал мне Григорий Михайлович Котляр. Десять лет большой мелиорации в Приморье — десять лет его биографии. Механизатор. Прораб. Начальник комсомольско-молодежного управления. Теперь — управляющий трестом Примводстрой. — Опытным путем, — повторил он. — Наука перед нами в долгу. Не изучены грунты, не отработана технология. Правда, в последнее время взялись за это.

Оттеснить болота, осушить одни участки и укрыть от паводков другие — преобразовать, по сути, землю. Без науки к такой работе не подступиться. Характерно в этом смысле замечание директора Дальневосточного

института гидротехники и мелиорации, доктора географических наук А. В. Стоценко.

— В режиме вод на Дальнем Востоке, — говорил он в интервью «Комсомольской правде», — есть интересное своеобразие: все атмосферные, наземные и подземные воды активизируются к началу лета и действуют до наступления осени. В сложных местных условиях неприемлемы многие каноны гидротехники и мелиорации. Без участия науки комплекс оросительных и осушительных систем не создать.

Точно так же можно было сказать о перспективах освоения морей, шельфа, тайги.

Еще в довоенные годы по инициативе нашего большого ученого, бывшего президента АН СССР В. Л. Комарова на Дальнем Востоке начал работать первый очаг академической науки — Дальневосточный филиал АН СССР. Новый импульс дальневосточной науке дало создание Сибирского отделения АН СССР. Параллельно развивались институты Гидрометслужбы СССР и Министерства рыбной промышленности. Качественным рубежом в истории науки на Дальнем Востоке стал 1970 год — именно тогда по решению ЦК КПСС и Совета Министров СССР был организован Дальневосточный научный центр. Его главные задачи — фундаментальные исследования в области естественных и общественных наук, исследования, направленные на ускоренное развитие производительных сил и освоение природных богатств Дальнего Востока, подготовка квалифицированных кадров и координация научного поиска.

Ныне в составе ДВНЦ семнадцать академических институтов. Диапазон исследований очень широк: геология и геофизика, биология и проблемы океана, экономика, автоматизация и процессы управления, история, археология...

— Наука Дальнего Востока решает увлекательнейшие проблемы, — рассказывал мне крупный советский ученый, председатель Дальневосточного научного центра АН СССР, член-корреспондент АН СССР А. П. Капица. — Здесь, на границе самого крупного континента и Великого океана, происходят необычные геофизические и геологические процессы. Именно здесь пролегает Тихоокеанский пояс эпицентров землетрясений и вулканических извержений, здесь вздымаются гигантские волны — цунами. Геолог, тектонист, геофизик, изучая

структуру земной коры и ее динамику, ответят на волнующие всех вопросы происхождения и развития земной коры и глубоких недр нашей планеты. А изучение шельфовой отмели — этой кладовой земли! Мы надеемся найти здесь и полезные ископаемые, и новые биологические ресурсы. Биохимики обнаружили, что в морских организмах содержатся разнообразнейшие биологические активные вещества. Их выделение может открыть новые горизонты в развитии этой науки. Тихий океан — какой простор для океанологов! От ледяных берегов Антарктиды до Берингова моря пролягут новые маршруты исследовательских судов. Природные ресурсы Дальнего Востока разнообразны и велики. Разумно их использовать, поставить на службу нашей Родине — первоочередная задача, стоящая сегодня перед учеными! Развитие науки на Дальнем Востоке — дело молодежи нашей страны.

По решению ЦК ВЛКСМ сооружение комплекса институтов Дальневосточного научного центра было объявлено Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Но рамки комсомольского шефства над ДВНЦ этим, конечно, не ограничиваются. В институты пришло много молодых исследователей. Нигде, наверное, в стране нет таких молодых научных коллективов, как здесь. Это хорошая дальневосточная традиция.

Но вернемся к мелиораторам.

Мелиораторов любят называть врачевателями земли. По сути, конечно, точно. Человек действительно врачует землю. Но красивенькое это сравнение словно одевает его, пыльного, пропахшего металлом и землей, в белый халат, делает непохожим на самого себя. В нем, мелиораторе, сплывилось несколько профессий. На своем скрепере он взрезает, ворочает, ровняет и подравнивает землю. Так же, кажется, работает и скреперист на стройке. Но для того земля просто грунт, просто кубы. Земля мелиоратора — почва, земляца, она должна родить.

В Черниговке, в комсомольско-молодежном строительном управлении треста Примводстрой, мне рассказали примечательную историю. Мелиораторы подготовили к передаче совхозу новое поле. А совхоз не успевал его засеять. И тогда комсомольцы посеяли рис сами. И ухаживали, выкраивая свободные часы, за своим полем, за своим рисом.

В ожидании большого плавания.

Рыбачья удача.

Труженики моря всегда на посту.

Оля Ерошкина, химик рыбокомбината.

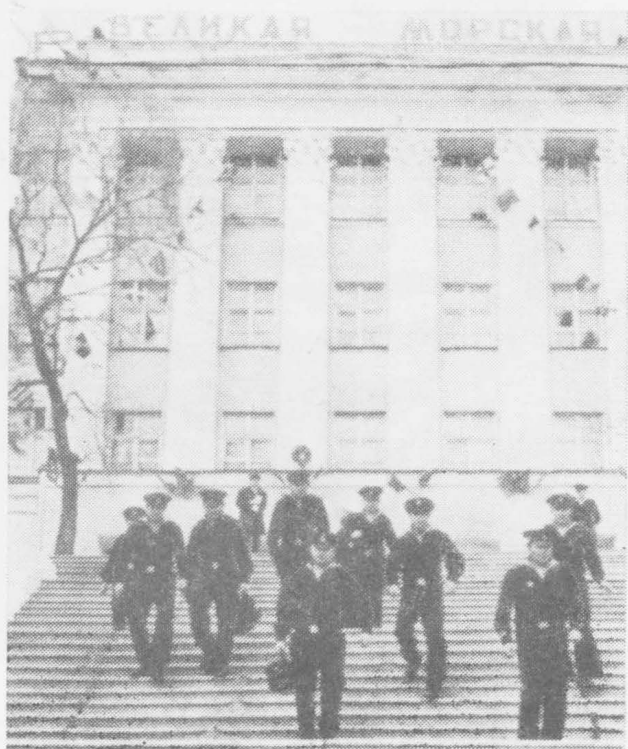
Тяжело тянуть мокрый невод.

Все мальчишки на Дальнем
Востоке — будущие капитаны...

По ступенькам морской науки.

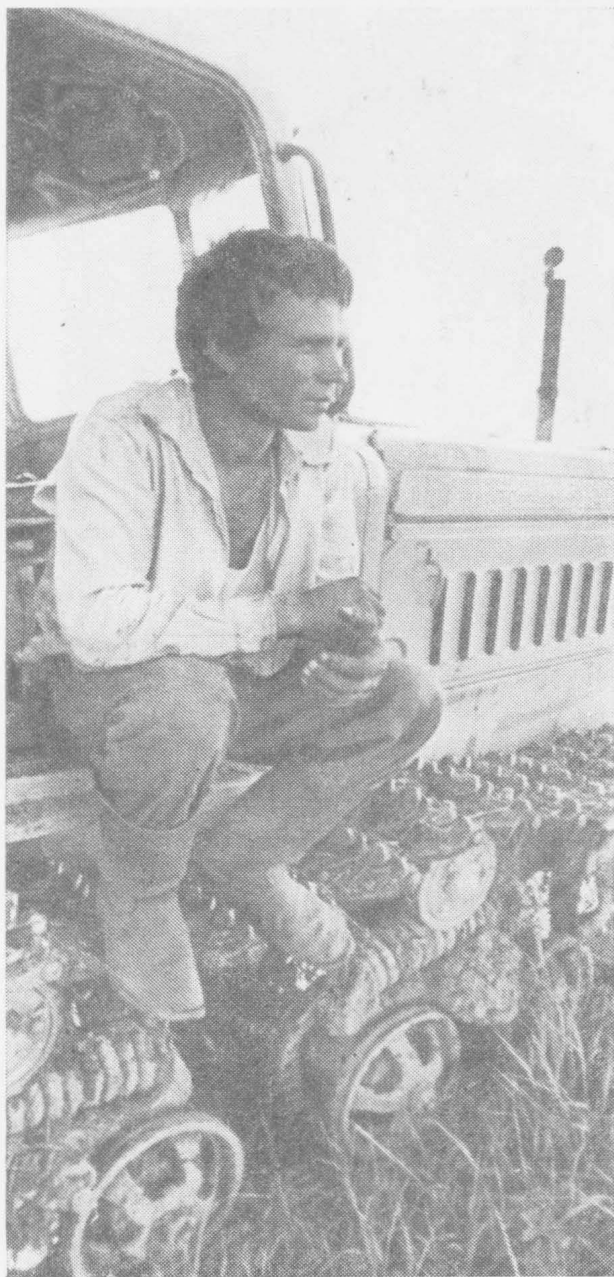

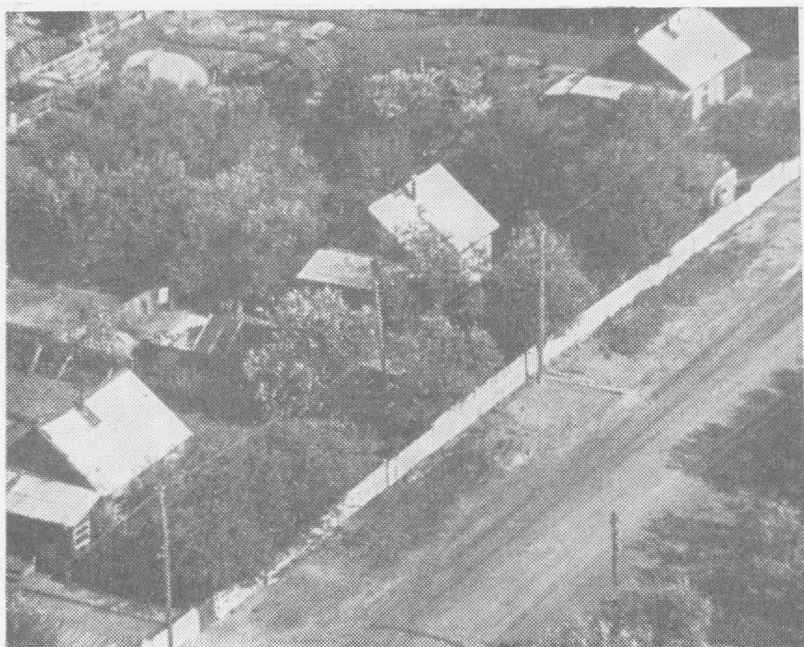
Курсант Слава Вяткин.

Капитан дальнего плавания Евгений Артемов.

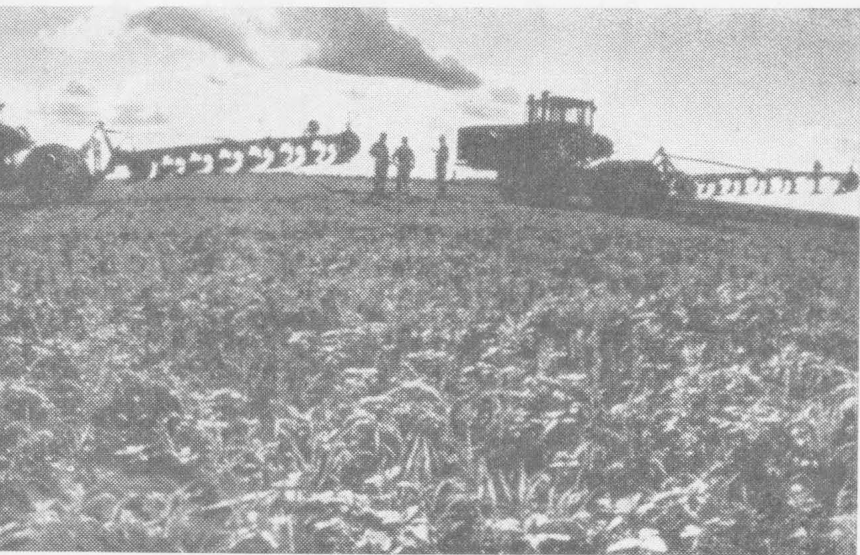

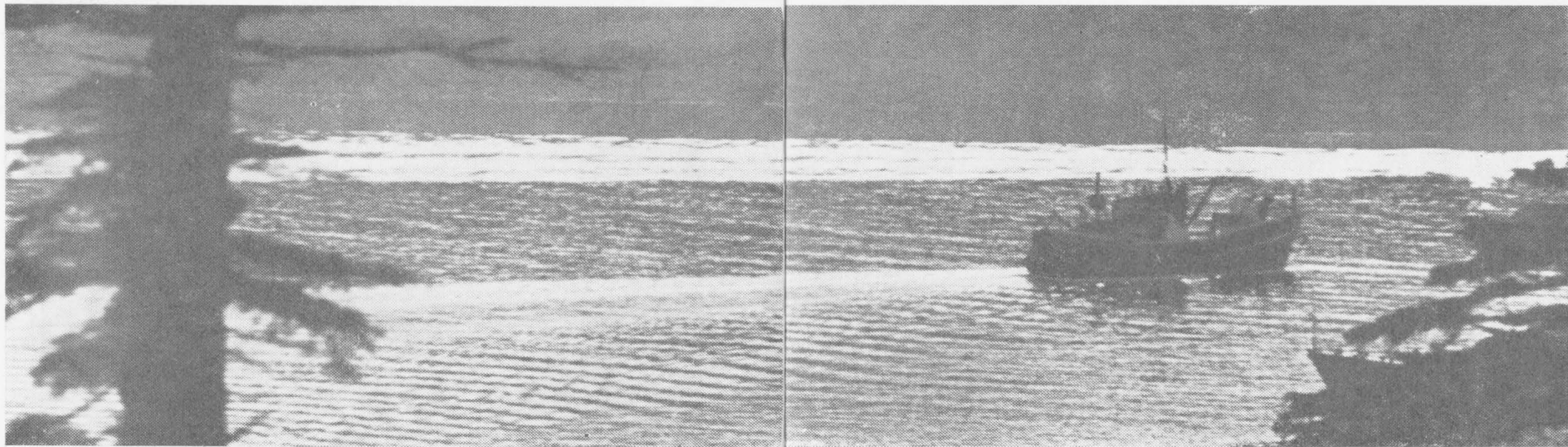
Минута короткого отдыха.
Механизатор Виктор Полевой.

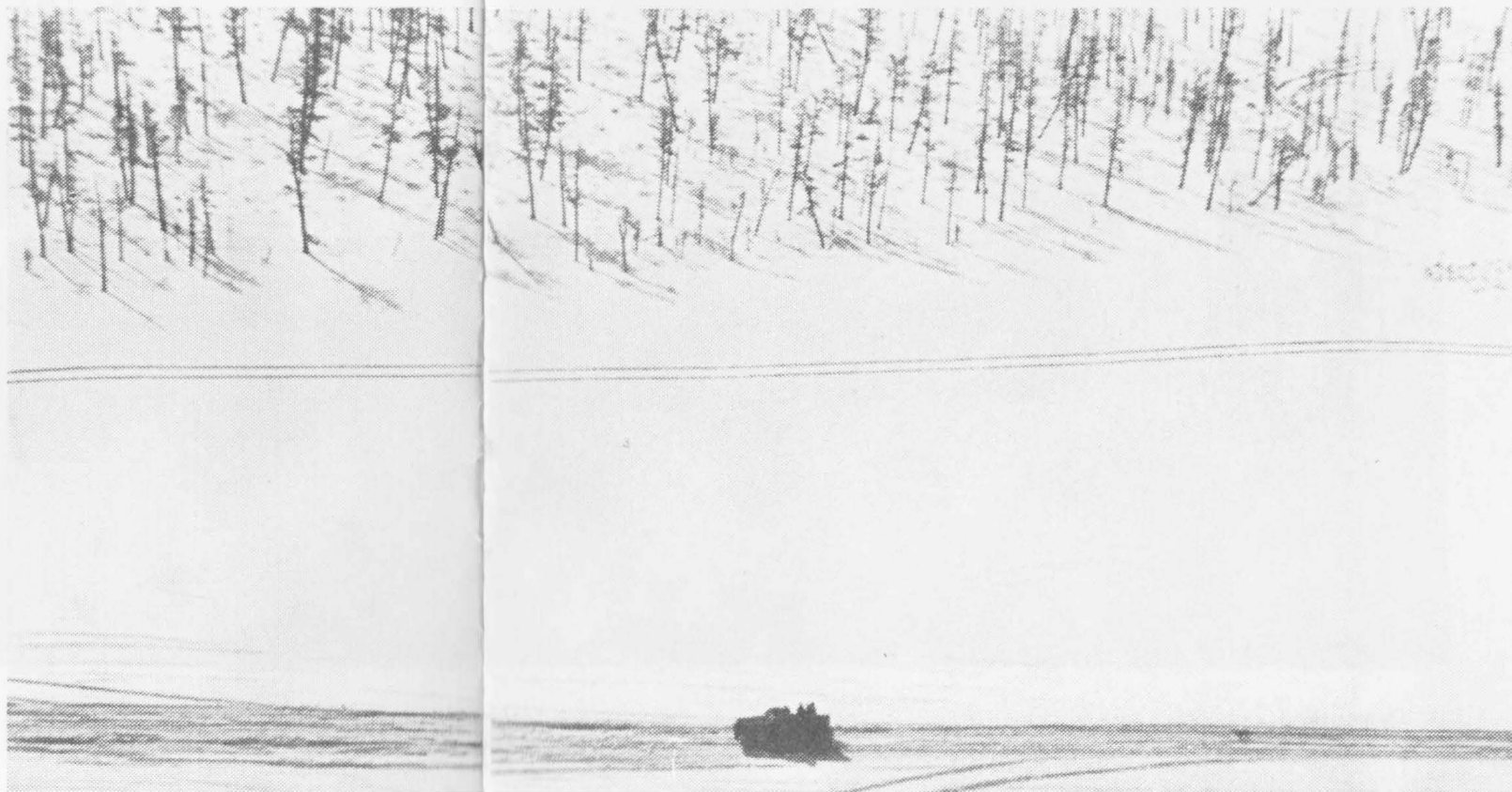
Село Поярково Амурской области.

Рассвет в поле.

И в океане есть дороги.

Тропинки геологов.

Граница.

Надежный щит Отечества.

След.

Большой лес Приморья.

Здесь рождаются проекты новых городов...

Скільки тайн хранит океан!

Морские ворота Владивостока.

Рабочие, они создали поле. Крестьяне, они вырастили рис. Такая это профессия. В ней сплав характеров индустриального рабочего и пахаря.

На профессиональном языке участки рисовой системы называют картами. По дороге на работу мелиораторы проезжают карты — одну за другой. И тут же воочию видно, как кто поработал. Карты говорят правду. Всегда безупречен участок старого скрепериста, наставника молодежи Алексея Дмитриевича Жирова. В Приморье он приехал из Донбасса — строил в Жданове металлургический завод.

— Там стройки заметные, — говорил мне Алексей Дмитриевич. — Издалека видно. А наши системы неброские.

Да, внешне все здесь очень скромно. Гудит скрепер, вытягивая из котлована парящую землю. Торчит присыпанная снежком арматура насосной станции... Но представишь площадь, на которой трудятся в эти минуты сотни таких вот скреперов, и поймешь размах работ Всесоюзной ударной комсомольской стройки, их безотлагательную необходимость.

Летом и осенью, когда таранят берег муссоны с Тихого океана, над Приморьем неделями не просыхает небо. Лют ливни. Разливаются и выходят из берегов реки, затопляют посевы. Это обилие падающих вод, замечал М. И. Венюков, отличительная черта всей Уссурийской долины. С выразительностью сказки говорит об этой отличительной черте фольклор орочей. Есть две страшные стихии, рассказывают орочи, — огонь и вода. После пожара остается чистое место, и после наводнения тоже остается чистое место. Будь осторожен и всегда бойся огня и воды.

Больше пятисот раз выходили дальневосточные реки из берегов в нынешнем столетии. Шестьдесят пять наводнений отмечены как катастрофические.

Было время, когда даже большая вода не приносила заметного ущерба — сказывалась малая населенность края. Сейчас не считается с этой угрозой нельзя. Наводнение 1958 года нанесло ущерб Амурской области, Приморскому и Хабаровскому краям в 30 раз больший, чем наводнение 1928 года, а масштабы стихийного бедствия были примерно одинаковы. В том же 1928 году хозяйство всей южной половины Дальнего Востока потерпело

убытков в восемь раз меньше, чем хозяйство одной только Амурской области от наводнения 1958 года *.

Несколько лет назад мне случилось быть в Партизанске буквально по следам наводнения. Город был еще разделен на пять частей — вода унесла чуть ли не все мосты. Потоки прорвались и в шахты — в одну по скиповому стволу, в другую по вентиляционному уклону. Спасая свои рудники, горняки день и ночь откачивали воду. Строители спешно наводили мосты.

В другой раз такую же самоотверженную работу я увидел на Сахалине.

...Ничто не предвещало беды. Сквозь неплотные облака проглядывало солнце. Прогноз, опубликованный в областной газете, настраивал на благодушный лад.

А в это самое время тайфун из Желтого моря выходил на юг Татарского пролива. Через несколько часов он обрушился на остров.

Тайфун размыл десятки километров автомобильных дорог, железнодорожные пути, мосты. Снес линии электропередачи и связи. В городах и поселках были порваны линии низковольтных сетей, со многих домов снесены крыши, вышиблены стекла. Из прибрежных лесопромхозов унесена и разметена древесина, в сельскохозяйственных районах затоплены сотни гектаров овощей, картофеля, кормовых культур.

В совхозе «Буюкловский» — он назван в честь Героя Советского Союза, моряка-тихоокеанца Антона Буюклы — ночью затопило речную пойму. Вода прибывала буквально на глазах. У моста образовался бурлящий затор. Выход был один: разобрать его. Иначе разрушительная сила снесет мост. С утра до глубокой ночи продолжался этот поединок. Мост устоял. Устояли люди.

Круглосуточно шло восстановление размытых участков единственной на острове железной дороги Макаров — Победино. Уже на пятые сутки она зажгла зеленые огни... Уезжая из города, я остановился на несколько минут у деревянной треноги, оградившей телефонный колодец на перекрестке. Наверху работал комсомолец Валерий Новиков, внизу бригадир—старожил Сахалина Василий Михайлович Витюгов. Бригадир не склонен был к долгому разговору: работа! В его руках

* Дальний Восток. Экономико-географическая характеристика. М., 1966, с. 47.

не гасла паяльная лампа. Смена давно уже закончилась.

— Когда же домой?

— Когда запаяю...

В драматические часы борьбы со стихией люди мобилизуют все свои силы, подчас рискуют жизнью. И, однако, всегда ли обязателен этот риск?

В постановлении бюро Сахалинского обкома партии о мерах по ликвидации последствий стихийного бедствия есть такие строки: «Сахалинское управление гидрометслужбы допустило грубую ошибку в прогнозе погоды на 18—19 сентября, специалисты-синоптики вовремя не установили силу надвигающегося циклона, катастрофическое поднятие уровня воды в реках и на море... Не смогли своевременно предупредить предприятия, организации и учреждения о надвигающейся опасности...» Справедливый упрек: остров был предупрежден о надвигающейся опасности слишком поздно. Научная точность прогноза жизненно важна для Сахалина, как и для других дальневосточных областей и краев. Это первый урок, преподанный тайфуном. И второй: как бы ни были точны синоптики, они только прогнозируют погоду. Отменить ураган или наводнение они не могут. Но предусмотреть защитные меры от стихийного бедствия можно. Линии электропередачи, мосты, железные дороги должны строиться с поправкой на дальневосточные условия. Как в районах, подверженных землетрясениям, все строится с учетом сейсмичности. В том же Партизанске многие мосты и дамбы называют «золотыми», столько раз их уже переделывали. И каждый раз на скорую руку, по временной схеме. Потому что на капитальные сооружения не было средств. Но все временное в конечном счете выходит дороже. Вспоминается беседа с бывшим секретарем Приморского крайкома партии А. Н. Гульченко, ныне заместителем министра рыбной промышленности СССР.

— Хозяйству Дальнего Востока большой ущерб наносят наводнения, — говорил Александр Никитич. — Громадные массивы земли из-за этого до сих пор не освоены. Для того чтобы защитить поля, необходимо зарегулировать реки Приморья, выстроить ряд гидроузлов.

Речь идет о комплексном подходе к проблемам освоения края. Выгоды такого подхода очевидны: вступают

в строй новые энергомощности, расширяются посевные площади, ставится надежная преграда стихийным бедствиям.

Примеры комплексного подхода уже есть — Зейская ГЭС, первенец дальневосточной гидроэнергетики, освоение Приханкайско-Уссурийской низменности. Поздравляя участников сооружения Зейской ГЭС с досрочным вводом в действие первого агрегата, ЦК КПСС и Совет Министров СССР подчеркнули, что этот гидроузел позволит ускорить развитие производительных сил Дальнего Востока, обеспечить дешевой электроэнергией промышленные предприятия, колхозы и совхозы, строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, защитить плодородные земли долины реки Зеи от разрушительных наводнений. Паводки Зеи охватывали каждый год до 300 тысяч гектаров. Теперь эти земли застрахованы от наводнений. Вот такую прибавку получила пашня Амурской области, житницы Дальнего Востока. На очереди Буря. В решениях XXV съезда партии есть такая строка: «Развернуть строительство Бурейской ГЭС». Станция поднимется в верховьях реки, на Талаканском створе. Плотина высотой в 142 метра станет надежным заслоном наводнениям.

Первые строители пришли сюда с Зеи. Оттеснить болота, осушить одни участки и укрыть от паводков другие — много еще работы на этой земле. Ждет она переселенцев. В новых поселках готовы ряды добротных домов.

Кому обживать их?

Переселенцы

...Снег еще не стек ручейками по склонам сопок, не скоро, не скоро заполыхает багульник. А на продутых дощатых перронах гремят духовые оркестры. Ветер рвет кумач, украсивший бока грузовиков. «Добро пожаловать! Хлеб-соль...»

У пропыленных, притомившихся составов теснится вагонное население. Вагон обжит за две недели путешествия от края до края России, и боязно, как в холодную воду шагнуть, отойти от него. Любопытство, ожидание, надежда в глазах. «Что-то ждет? Где обоснуемся? Как сложится жизнь?»

Коротка официальная встреча. Пора по колхозам, совхозам, по своим деревням. Если слушать названия сел, куда везут переселенцев, то покажется, что говорят об Украине. Впрочем, когда-то Приморье так и называли: «Далэкосхидна Украина».

Что отличает нынешнего новосела? С какими надеждами перебирается он?

Первые впечатления на станции. Не так давно для пяти-шести семей хватало одного грузовика, а сейчас — отдельный почти каждой семье. Значит, едут люди не за достатком? Впрочем, тут же замечаешь пару, у которой всего добра один чемодан. Слышишь негромкие диалоги:

— А там комнатуху снимали за тридцать рублей..

— А я шестнадцатым дожидался нового трактора. Тут обещают сразу.

На этой земле, облюбованной еще первыми дальневосточниками, их очень ждут. В плодородной долине у озера Ханка созданы и создаются мощные рисосовхо-

зы. Один из них Владимиро-Петровский. Директор совхоза Андрей Максимович Самохатко сам полтовчанин, на восток перебрался почти тридцать лет назад. О таких на Украине говорят: «хозяйнуватый». Каждый год, когда приезжает очередная партия переселенцев, он заполняет своим неторопливым почерком новую школьную тетрадку. Откроем одну из последних. Фамилии двадцати девяти новоселов из Волынской области. Средний возраст — около тридцати. Пятеро со средним образованием, остальные с незаконченным средним и начальным.

Договор о переселении принято заключать только с семейными людьми. В этой же партии объявилось несколько парней. Директор с вечера распорядился выписать им продукты. Напрасно беспокоился — утром их уже не видели в совхозе. Механика простая. Государство оплачивает переселенцу проезд, предоставляет всевозможные льготы и ссуды. Это, разумеется, правильно и хорошо. Но... переселенец перед государством никак не подотчетен.

«Порядок разрешения споров, возникших по поводу возмещения переселенцами расходов, произведенных на их переселение, действующим законодательством не предусмотрен», — говорится в письме Госкомитета Совета Министров РСФСР по использованию трудовых ресурсов местным органам. Сезонник, не отработавший оговоренный срок, обязан вернуть деньги, затраченные на его проезд. Такой же порядок предусматривает положение об общественном наборе. А переселенец, оказывается, за казенный счет может запросто прокатиться из конца в конец страны. И, никому ничем не обязанный, заключить новый договор — теперь, допустим, с сельскими строителями, колхозными рыбаками...

Еще одна тетрадка директора Владимиро-Петровского совхоза. В ней 46 фамилий. Половина приехавших — горожане. Причем с профессиями не самыми дефицитными на полях и фермах: слесарь-авиамеханик, капельмейстер...

— Кого же ты мне привез? — сказал директор совхоза представителю службы трудовых ресурсов, узнав об этих специалистах.

— План, землячок, надо выполнять, — бойко отозвался представитель.

Ему-то все равно, кого везти. Безразлично, будут они здесь жить или нет. Для него важно выполнить план. К председателю Ханкайского райисполкома пришел как-то с жалобой переселенец: «А нам говорили — у вас апельсины растут и мандарины». Какой прок в такой агитации? Двенадцати городских «пахарей» во Владимиро-Петровском совхозе уже нет. «Они ж не знали, как огород посадить», — говорит о них директор.

«Категория людей, никогда не работавших в сельском хозяйстве или давно порвавших с ним связь, дает наибольшую долю неприжившихся», — подтверждают частное наблюдение авторы работы «Использование трудовых ресурсов в районах Дальнего Востока». Умные наши предки еще на заре XIX века рекомендовали на свободных землях в Сибири селить людей «к хлебопашеству способных», а ремесленников «по возможности в городах».

Сельская половина переселенцев устойчивее: из них пока уехали двое. Остальные живут. Пока еще на льготных условиях.

Льготами переселенец пользуется два года: бесплатный уголь, свет, квартира... С третьего года надо платить. И вот тут-то выясняется, кто ехал гостем, а кто хозяином.

В общем, судить, прижился ли переселенец, можно лишь после двух лет. Сколько же остаются после этого срока в районе, в крае? Хозяйственный директор совхоза ведет собственный учет. А по району, краю такого учета нет. Есть общие цифры. К примеру, за десятилетие сельское население Приморья выросло всего на 14 тысяч человек. В селах Сахалина вообще нет прибавки. За время между двумя последними переписями их население уменьшилось почти на 28 тысяч. Цифры эти говорят о многом. Но надо бы знать и раскладку по годам: сколько уезжает после второго, третьего, пятого года? Подтвердятся ли наблюдения, сделанные в одном хозяйстве? Может быть, время подумать о стимулах закрепления после второго года? Все-таки выгоднее продлить срок действия льгот, чем тратить дополнительные средства на такой далекий перевоз.

За два года оседает примерно шестая-седьмая часть переселенцев. Остальные уезжают обратно. Им навстречу льется новый поток.

— Кто садок сажает, деревья у дома, тот и жить у нас собирается, — делится своими наблюдениями плотник Василий Тарасенко.

Мы идем с ним вдоль переселенческой улицы. Новые двухквартирные дома. Под окнами покачиваются на ветру еще некрепкие тоненькие прутьики.

Василий Тарасенко жил далеко от Тихого океана. Свой дом построил, «сад вырастил такой, что дома не видать». Обстановка вся была. А потом попалась на глаза газета с рассказом о Приморском крае.

— Поеду! — сказал Василий. И всех уговорил. Даже тещу. Евдокия Павловна дальше своего села за всю жизнь нигде не была. Круглый день в поле или на ферме.

— Поеду и я, — сказала. — Земля везде наша.

Только обустроился Тарасенко немного — выписал в Приморье своих отца и мать. Им тоже совхоз дал отдельную квартиру. А отец, в свою очередь, вывел дочку и еще одного сына — сестру и брата Василия. Теперь весь род Тарасенковых обосновался здесь.

В районах переселения мне встречалось немало людей, которые хотели бы перебраться в другое село, в соседний район. Обычное объяснение: к земляку, к родне. Желание понятное: случается, на новом месте семья переселенцев и за два года не становится своей. В этой связи, думаю, полезно вспомнить опыт традиционного переселения.

Давние переселенцы высылали на восток разведку — своих ходоков. Люди точно знали, куда едут, что их ждет на новом месте, какие там «апельсины и мандарины растут». Точная информация и, следовательно, выбор места по душе помогали новоселам закрепиться. Интересны наблюдения самих крестьян: «...хорошие хозяева не возвращаются», «Из переселившихся попался не хлебороб, он воротился, все прожил, а для оправдания — сколько сил конфузит сибирские места, пока снова явится кто-либо опровергающий рассказни такого бывальщика». Конечно, при этом надо учесть и другие факторы: на старом месте давило безземелье, а здесь новосел получал большой надел — 100 десятин — держала его земля, держала надежда выбиться в люди.

Перед Великой Отечественной войной подбирались большие группы односельчан, демобилизованных воинов — коллективы создавались, как говорится, еще «в местах выхода». Так, в Приморье в 30-е годы возникло несколько красноармейских колхозов: имени 3-го полка связи, имени Ленина...

Из числа уволенных в запас в январе 1930 года воинов ОКДВА в крае остались девять тысяч человек*.

В то же время, как пишет исследователь переселенческого движения в советские годы Н. А. Билим, был составлен план промышленного и промыслового переселения, увязанный с планом развития рыбной, лесной, горной и других отраслей промышленности. Целые рыболовческие артели перебрались тогда на Дальний Восток. На Сахалине обосновалась артель каспийских рыбаков «Волго-Дон», на Камчатке — артель имени XVI партсъезда, в Южном Приморье — «Новый Восток», «Комсомолец», «Приморец». За пять лет число рыбоколхозных хозяйств почти удвоилось. Успех переселения был предопределен тем, подчеркивает Н. Билим, что «рыбаки ехали на Дальний Восток не в индивидуальном порядке, а коллективами».

* * *

Вспоминается вечер вопросов и ответов в селе Поповка. Мы были там с секретарем Хорольского райкома комсомола Володей Сокурено. Вопросов задали много, и, возвращаясь в райком, мы снова и снова перебирали их, анализировали ответы: убедительными ли они были?

У Володи спросили о первом райкоме в Хороле: «Кто был тогда секретарем?»

Что хотела узнать комсомолка, задавшая этот вопрос? Знает ли она, что история комсомольской организации района началась здесь, в ее Поповке? Это было осенью 1920 года. В селах Приханкайской долины, занятых белогвардейцами, возникли первые нелегальные

* Н. А. Билим. Переселение рыбаков на Советский Дальний Восток (1928—1941 гг.). — Ст. в сб.: Из истории борьбы за Советскую власть на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1965.

молодежные ячейки. К лету 1921-го действовало уже более двадцати. В июне по решению Приханкайского подпольного райкома РКП(б) в лесных зарослях близ Поповки собрались на первый съезд представители крестьянской молодежи. Шестьдесят два делегата из деревень Ханкайской и Хорольской волостей избрали нелегальный райком комсомола...

Красным следопытам Поповки пока не удалось отыскать делегатов того лесного съезда. И все же поиск не был безуспешным. Затронув один пласт жизни, ребята не могли пройти мимо остальных — времени строительства колхоза, Отечественной войны. Так в музее села появились первые документы. Так стали известны имена всех жителей Поповки, павших в боях за Родину. В их память на просторном школьном дворе воздвигнут теперь обелиск.

Среди других там выбито имя — Григорий Платонович Коломиец. В Поповке, вообще на Дальнем Востоке, он прожил считанные дни. В июне сорок первого года Поповка встретила полтавчан. Перебирался целый колхоз «Червоний плугар», со своей техникой, стадом. Даже с печатью.

А через несколько дней и новоселы, и старожилы ушли на фронт. Не всем полтавчанам из Поповки посчастливилось вернуться в свой новый дом. На родной Украине погиб Григорий Платонович Коломиец. Трех дочек — старшей было только шесть лет — вырастила Евдокия Ивановна. Все они живут в Поповке. Учительница — Лида, животноводы — Нина и Паша. Урожденных полтавчанок, их смело можно назвать дальневосточницами.

— А там и Поповка дэсь на запади есть, — спокойно говорит Нина. В голосе ее нет большого интереса к той неизвестной Поповке, давшей название ее селу. И это не забвение родства, нет. Авторы давних путевых очерков по Дальнему Востоку не раз отмечали легкость, с какою возвращались люди на прежние места.

Вот одно из свидетельств, типичных для конца прошлого века: «Странная вещь! Мне не один раз приходилось присутствовать при отходе из Владивостокского порта парохода в Одессу, и я ни разу не видел на лицах отъезжающих ничего, кроме блаженной улыбки. Ни

одной слезинки на прощание окраине, пригревшей и выхолившей многих из них». Окраина оставалась для них чужбиной. Прав был Твардовский: «И нужен срок, чтоб здесь окорениться, чтоб жизнь иною памятью облечь...»

* * *

В том же Владимиро-Петровском совхозе я познакомился с поливальщиком, молодым коммунистом Александром Сенькиным.

— Мне кажется, что я давно-давно живу здесь, — говорил он. — Быть может, потому что вот эти дома, целые улицы выросли на моих глазах.

Я знал, что Саша перебрался сюда всего несколько лет назад. Место было топкое и пустынное. И мало сказать, что поселок и инженерные рисовые системы выросли на его глазах. Точнее — на его руках. Он выходил эту землю, вынылчил ее — отсюда и ощущение давнего родства с ней.

В русском языке слово «земля» издавна понималось как «страна, народ, государство». «И пришла на них ростовская земля», — приводит В. И. Даль пример такого понимания. Мне кажется, такое понимание земли живет и в Саше Сенькине, делегате XXIV съезда партии. Он из породы тех людей, что не ищут работу по выгодней, берутся за любое дело с душой, нужно — и с личным временем не считаются.

— Хлеб ведь нигде сам не растет, — говорит он, подходя к своему полю. Я слушаю его и понимаю, почему не хотелось ему рассказывать о своей работе в кабинете, откуда не виден этот простор. Так художник не станет пересказывать картины, а подведет к ним: смотри. Присыпанная снегом земля ждала тепла. Его земля. И это рисовое поле. И дальние сопки, и долины за ними... Своим родным полем он считает всю землю. Ее часто называют дальней. Дальний Восток. Впрочем, есть мерки не только географические. В государственных заботах дальневосточный край всегда занимал и занимает одно из первых мест. И в этом смысле можно сказать, что он близок всей стране.

С особой остротой это чувство пронизывает тебя на

самом краю земли, на Камчатке — «Крайнем пределе Азии».

Была у меня как-то командировка в самый обычный совхоз. Разве что расположение у него необычное: куда ни глянешь — вулканы. До снежных конусов десятки километров, а кажется — рукой подать. Сто с лишним лет назад в этих местах побывал географ В. Маргаритов. Написал книгу. И в главу, посвященную географии полуострова, включил... «сведения о хлебопашестве и скотоводстве». Эти отрасли хозяйства не играли никакой роли в экономике Камчатки и, по мнению путешественника, скорее характеризовали «природу страны, чем быт ее жителей».

Время все расставило по своим местам. Такими, как здесь, урожаями картофеля, надоями молока похвастается не каждая область на материке.

С вожакком комсомольцев Елизовского совхоза Борисом Правило идем по поселку. Добротные двухэтажные дома. Лет пять назад был только один двухэтажный. Мой спутник больше рассказывает о совхозе, чем о себе. А мне интересно знать и о нем: ведь не каждого избирают комсоргом семь лет подряд. Его уважают в совхозе: и молодежь, и старики. Если что не ладится, идут к Борису. А комсорг-то он неосвобожденный, есть у него и основная работа — моторист. В заведовании Бориса водокачка и радиоузел. И летом АВМ — автомат витаминной муки. Его обслуживает группа энтузиастов, комсомольский отряд. Он работает все лето круглосуточно — надо запасти витаминную муку на целый год. В комитете комсомола висит на стене алый выпел. Это награда райкома комсомольскому отряду.

Когда Борис все успевает? Каждый молодежный вечер в поселке открывается новой музыкальной записью. Новинку записывает комсорг. Вчера, например, новую песню впервые слышали в Москве, а сегодня ее слушают в поселке Зеленый, на «Крайнем пределе Азии».

Бессменный комсорг совхоза, пытливый, деятельный секретарь райкома, ячейка «Дальзавода» — такие ребята представляют лицо дальневосточного комсомола. У каждой комсомольской организации свои заслуги. На Сахалине, к примеру, да и не только на Сахалине,

знаменит траулер «Невельский комсомолец». Металл для строительства судна комсомольцы Невельска собрали сами — на субботниках и воскресниках. Награда — свой траулер. Экипаж на нем комсомольско-молодежный, один из лучших в отрасли. В Приморье славятся комсомольско-молодежные отряды по имени «Корчагинец». Они формируются из лучших молодых рабочих городов и поселков края и выезжают на сельские стройки. Я встречал корчагинцев на строительстве инженерных рисовых систем, слышал отзывы о них самые добрые.

Кстати, там же, на «системах», как коротко говорят мелиораторы, я увидел рядок щитов с медицинскими эмблемами и цифрами 1971, 1972, 1973... Это память о работе студенческих строительных отрядов мединститута. Всего в краевом отряде почти 6 тысяч студентов. Итог их работы внушительен — за трудовой семестр освоено 11 миллионов рублей капиталовложений.

Приезжают переселенцы, и они, старожилы, патриоты дальневосточной земли, корчагинцы, с надеждой и верой присматриваются к этим людям: что у них за душой?

А пока, как мостки в старый дом, — рушники, которыми перевиты фотографии в доме Тарасенко. Картина над столом: слепой бандурист на крылечке писаной хатки, парубок с дивчиной заслушались у плетня. Картину долго искали в том ряду ярмарки, где висят пестрые холсты с лебедями, и, не найдя, заказали.

Память о доме — сны. «Снилось мне, будто я по селу своему иду», — рассказывает, сложив на коленях узловатые руки, бабка Евдокия. Она крупная, широкая в кости, куда внушительнее своего невысокого зятя. Глядя на него, не подумаешь, что он мастер на все руки: и плотник, и каменщик, и печник, и слесарь.

— А работать везде надо. И везде дел хватает, — говорит он беглым тенорком. — Там день и ночь работал, и тут тоже, — и улыбается, довольный этому обстоятельству.

Они приехали на Дальний Восток по весне. И первым делом посадили у дома вишни. Может быть, примутся...

* * *

Инженер-изыскатель отряда «Донбасс» Иосиф Павлив прислал в «Комсомольскую правду» свои записки. «Нужно побыстрее переселиться из своих вагонов в общежития, — писал Иосиф, — перейти на зимние квартиры, как у нас говорят. Нужно пустить корни в этой мерзлой земле».

В будущий город

Еще в пути, кажется, на пятый день, в поезде собрали комсомольский актив. Повестка дня была сугубо деловой: «О задачах комсомольского актива отряда «Донбасс» по организации работ на выгрузке железнодорожных составов». Поскольку на ходу записывать выступления трудновато, протокол не вели. Указали только повестку дня и потом, на остановке, написали постановление:

«Членам комитета комсомола, секретарям первичных комсомольских организаций провести разъяснительную работу в бригадах поезда о задачах комсомольцев на выгрузке железнодорожных составов. Подавать личный пример ударной работой».

Эшелон пришел на Ургал четвертого ноября. Четвертого началась выгрузка. Конструкции столовой складывали прямо у насыпи. Ночью, во второй смене, кто-то заметил, что их наполовину засосала марь. По тревоге подняли поезд.

Это был первый сюрприз, с которым они встретились на Дальнем Востоке. Потом было много других, и, чтобы рассказать полнее, как они работают, надо представить вначале, в каких условиях они работают.

Страна обживает все более суровые районы. Граница освоения продвигается на север. В места, по прежним представлениям, совершенно недоступные для жилья. Один из крупных знатоков Дальнего Востока, Г. Е. Грум-Гржимайло, в своем капитальном труде «Описание Амурской области» утверждал, к примеру, что из-за климатических условий большие районы на востоке «останутся недоступными для оседлой колони-

зации». Ученый имел веские основания для такого вывода.

Значительную площадь здесь занимают заболоченные впадины, бывшие в недавнее геологическое время днищами морских заливов и озерных водоемов. Климат зоны характерен отрицательным балансом годовых температур. Кроме того, трасса пересекает сибирский массив вечной мерзлоты, крупнейший в мире после Антарктиды. В районе Буреинского угольного бассейна, у реки Ургал, мощность вечной мерзлоты достигает 34—35 метров. Мерзлые грунты, как говорят специалисты, имеют высокую льдонасыщенность, площади погребенных льдов. Ближе всего к поверхности вечная мерзлота на марях. Она как бы подстилает их. Для неопытного взгляда все мари совершенно одинаковы. Болота да болота. А изыскатель-таежник покажет на карте все их многообразие, раскроет характер каждого названия.

Много загадок хранит эта земля... Наклоненные деревья на берегу Ургала... Просто подмыло берега? А может быть, там термокарст — провальное озеро? А почему местами приподнимается почва?

Старый, «западный» опыт здесь может даже подвести. Надо накапливать новый — учиться строить с поправкой на вечную мерзлоту. «Меня очень волнуют «взаимоотношения» строителей с вечной мерзлотой, — говорил по этому поводу в интервью журналу «Смена» известный изыскатель А. А. Побожий. — ...пора уже начать учить и рядовых строителей, и руководящих правилам строительства на мерзлоте, которых они часто не знают или не хотят знать. Мерзлота коварна. Сверху она прикрыта небольшим слоем мха, который сохраняет на поверхности мерзлого слоя более или менее постоянную температуру. Стоит содрать мох (пустить, к примеру, бульдозер), и мерзлота начнет таять. Причем это мина замедленного действия — через пять, через десять лет насыпь может вдруг начать оседать, рельсы уходить под воду, безошибочно указывая место, где работали неграмотные или недобросовестные люди».

...Поэтому отличное качество работы, ее гарантия — в этих условиях — не свободный выбор, а суровая необходимость. Она, в свою очередь, требует и высокого профессионального умения, и соблюдения строгой дис-

циплины труда, и готовности, кроме своей основной, выполнять любую другую работу. В первые месяцы такой работой была разгрузка. Спали по четыре часа в сутки. И все были грузчиками от начальника Укрстроя до парикмахера.

Утром 7 ноября, в 57-ю годовщину Октябрьской революции, строители собрались у вагонов, построились в колонну и пошли наверх к будущему поселку. Внизу зеленой строчкой вытянулся поезд. За ним, сколько видел взгляд, редколесье. Справа, по-над узкой, уже накатанной дорогой ежился лесок. Повалил густой снег. Он ложился на щит впереди колонны и закрывал буквы: «Здесь будет построен город Ургал». Слова писали ночью, краска стыла на морозе, и ее разводили керосином. Потом щит поставили у мачты. Подняли флаг. Пофотографировались на фоне своего обещания и пошли вниз. Снова разгружать вагоны...

«Я приехала сюда, на место строительства поселка Ургал-2, с группой проектировщиков. Морально подготовила себя к суровым морозам, глухой тайге, тяжелым условиям быта и потому замедленному темпу стройки. Но до чего неожиданным и приятным было мое разочарование. Темпы здесь удивительные! Ежедневно меняется картина. Растут стены общежитий, вырисовывается корпус столовой, идет успешно монтаж котельной, наружных сетей и коммуникаций...

Отрадно чувствовать заинтересованность руководства стройкой в эстетическом оформлении всех зданий и сооружений. Молодой архитектор Александр Лысогор своими требованиями задает строителям немало хлопот. Но приятно делать то, что порадует будущих новоселов. И радостно чувствовать, что вдали от больших центров комсомольцы не просто обустривают место, где можно жить и работать, а создают красивый современный город.

Начальник сектора института Оргэнергострой В. Н. Чернышова».

Эти строки я переписал в свой блокнот из стенной газеты отряда «Донбасс». Стенгазета висит в штабном вагончике, разделенном на две части «буржуйкой». По одну ее сторону стоят полированные столы, над ними висит карта Хабаровского края, которую любит рассматривать начальник Укрстроя Н. И. Лукьяненко,

быть может, представляя время, когда на зеленом, с редкими пометками просторе карты появится кружок Ургала. С другой стороны «буржуйки» кульман молодого архитектора Саши Лысогора, выпускника Московского инженерно-строительного института. Под его умной рукой поточные бараки преобразуются в дома, не только радующие глаз, но и более удобные, практичные. Из тех же самых щитов, выходит, можно собрать очень уютное общежитие с мансардой. Нужно лишь немного фантазии и мастерства. Рабочие чертежи Саша не успевает делать. Только эскизы, наброски. И бригадиры не ворчат, серьезно и уважительно выслушивают его объяснения. Стремление сделать поселок сразу набело красивым захватило всех.

В Уфе Лысогор отстал от поезда: смотрел город. Забирая чертежи или выслушивая Сашины наставления, кто-то, бывает, скажет ему: «Лучше бы не догонял». Но видно — это не со зла, а с затаенной радостью удачника: вот как нам ненароком повезло.

Картина на стройке действительно меняется ежедневно. В. Н. Чернышова видела стены общежитий. А я через десяток дней переходил из комнаты в комнату, останавливался у не промытых еще окон, поднимался по витой незатоптанно белой лестнице на мансарду, пока открытую небу. На крутые стропила плотники укладывали разноцветные листы кровли. У многих ребят до самых губ были натянуты шарфы.

Морозы все время за сорок. Под утро и больше. Так, что не держат тормоза. А это верных сорок пять. Как сегодня. Уже полдень, а видно шагов за сто. Не больше. Дальше сплошная белая мгла. Ее едва пробивают фары. В молочной дымке сереет подъемный кран. Там монтируют котельную.

Внизу ждет плотников теплый вагончик — бытовка, чуть подальше вагончик с очень вкусной надписью: «Горячи пырижки». Пирожки жарятся круглые сутки.

Круглые сутки гудят на Ургале моторы — иначе утром машину не стронешь с места. По решению комсомольского собрания механизаторов установлены ночные дежурства. Парни по очереди прогревают двигатели, а днем выходят в свою смену. Еще комсомольское собрание решило «взять шефство над внеплановым

объектом — механическими мастерскими и отработать каждому на комсомольских воскресниках по 80 часов». Инициатива эта очень нужная. Ведь вначале приходилось ремонтировать прямо на дорогах, на холоде. Я видел такой ремонт. У заглохшего экскаватора трое парней разложили костерок — отогревать детали. Пальцы на ургальском морозе деревенеют в минуту. А в рукавицах не завернешь даже гайку. Надо брать металл руками. Сбитыми, почерневшими пальцами...

«Внеплановый объект» — поправка к планам, составленным в Донецке. Практика первых же недель заставила по-другому посмотреть и на эксплуатацию техники. Уроки эти учли другие отряды Укрстроя. А в «Донбассе» пришлось срочно устраивать встречу с местными шоферами (опыт эксплуатации машин в условиях низких температур), добывать специальную резину и специальные масла.

Запомнился поздний вечер в вагончике автотранспортников. Возвращаются со смены, с дальних рейсов шоферы. Хриплые, простуженные голоса.

Неожиданно в вагончик втискивается снабженец и говорит, что масла для экскаваторов нет.

— Добывай любыми путями, — напирают на него ребята. — Иначе мы кубовый не запустим. Когда захлопывается за снабженцем дверь, шофер Володи Гребеньков с досадой швыряет в угол рукавицы:

— То того нет, то этого... Мы обещали сутками вкалывать, без передыху... Не успели развернуться — и вдруг какие-то пустяки...

При мне к комсorghу Валерию Чижову пришел бульдозерист. Худой, заросший парень мял сигарету и говорил, что хочет рассчитаться и уехать. Почему, допытывался Чижов, напирая на сознательность.

— Я работать ехал, понимаешь, работать, — отвечал парень. Из окна был виден его присланный снегом бульдозер. — Я на технике ехал работать, а не под техникой. С полным желанием ехал. А тут в первый же день муфта полетела. Зачем сюда такую машину послали? — спрашивал он. — Кто? У меня теперь нет никакого настроения...

Бульдозерист, конечно, торопится с решением, но в своих претензиях он, пожалуй, прав. Здесь нужна самая

надежная техника. Богатый выбор запасных частей. Нужны специальные условия для ремонта машин — это ведь условия для работы людей.

Говорим обо всем этом с начальником треста Укрстрой Н. И. Лукьяненко. Перебивая разговор, вырастает в дверях кто-то из механиков:

— Могила, Николай Иванович, замороженный забой.

Это о карьере. Утром я был там. В центре забоя экскаватор оставил царапины — узкие, белые полосы, следы зубьев ковша. Из карьера машинисты привезли «сувенир» — кусок ковша. Машинист экскаватора, отнюдь не титан, ударил кувалдой, и кусок металла отлетел как пластмассовый.

Карьеры они бросились искать с первых дней. Нужно было отсыпать землю. Под дорогу. Общежития. Котельную. Разведанных карьеров не было. Ходили по реке Ургал, искали наносы. А в исследованиях по строительству БАМа, проведенных в 1937—1944 годах, я видел набитую цифрами таблицу — в ней были данные о балластных карьерах, их запасах и распределении по отдельным участкам магистрали. Другая таблица давала качественную характеристику балластных материалов. Наверное, эти данные нужны не только «Донбассу».

Вот такими сложными были первые месяцы для начальника Укрстроя. Чему научили? Что бы он, имея возможность, сделал по-другому?

Лукьяненко отвечает не сразу и коротко, похоже, каким-то своим мыслям:

— Главное — подбор кадров. БАМ у человека должен быть в душе. А это, оказывается, не каждому под силу.

В людях, с которыми Лукьяненко работает, в товарищах он больше всего ценит преданность делу. Он готов простить неопытность, неумение. Потому что верит: придут и опыт и сноровка, если есть интерес, если лежат руки к работе. Сегодня знаменательно такое отношение к подчиненным. И к делу. И прав Лукьяненко — встречаются еще люди, которые лишь имитируют видимость дела, бурной деятельности. Что ж, процесс деятельности можно имитировать, а результат... На стройке это очевиднее, чем где бы то ни было: результат материален и зрим. Дом, улица, поселок.

Там, где сейчас дорога, раньше была просека, а до нее — тропа, а еще раньше — лишь редкая цепочка следов.

Шли на восток изыскатели, геологи, топографы... На полках библиотек, архивов — безмолвные труды их дней и ночей. Откроешь книгу, дневниковые записи — и тебя захватит сила их духа.

«Не могу я умереть, у меня слишком большая жажда жизни. И если меня долго не будет, ждите спокойно...»

Идем по тайге втроем — Леша Журавлев, Костя Стофато и ваш старый знакомый Александр Кошурников... 4 октября 1942 года».

Они не вернулись с маршрута, как бойцы с передовой. Погибли на переходе. Через годы по намеченной ими дороге прошла магистраль. Имена геологов дали названия станциям.

Еще одна экспедиция — Амгунь-Селемджинская, Буреинский отряд.

«Состав экспедиции, — писал академик В. Л. Комаров в предисловии к отчету экспедиции, изданному в 1934 году, — стойко боролся со всеми невзгодами пути, следуя по совершенно диким, труднопроходимым местам, и всесторонне осветил два крупных водораздела, бывших до того на наших картах белыми пятнами».

Белые пятна на картах... Сочтет ли кто когда-нибудь, скольких трудов и жизней они стоили! Буреинский отряд шел там, где не было троп, по марям, горным рекам. Чутье таежников и компас вели геологов по маршруту.

Не все участники экспедиции увидели свою работу.

«Во время печатания этого сборника, — говорилось в редакционном сообщении, — телеграф принес печальное известие о трагической кончине на полевых работах на Дальнем Востоке геолога Буреинского отряда Амгунь-Селемджинской экспедиции М. В. Круглова, погибшего от ожогов и ран, полученных им при попытке спасти из загоревшейся палатки документы экспедиции».

Пока я ничего не могу добавить к этим строкам. Не знаю, сколько было лет геологу Круглову, кто ждал его с маршрута, где... И все же самое главное о нем я знаю. Человека характеризует поступок. Другой всю жизнь проживет, а шага решительного, сопряженного с

риском так и не сделает. Тот короткий день из жизни М. В. Круглова, геолога Буреинского отряда, говорит о его характере больше, чем пространственные характеристики. Мне бы очень хотелось, чтобы имя его вспыхнуло в названии станции на трассе, там, где БАМ встретится с Буреей.

* * *

Деревья разбежались совсем неожиданно. В глаза ударил чистый свет реки. Белый лед, и над ним на далеком, другом берегу снова черная, глухая стена тайги. Без единого пока просвета.

Такой я увидел первый раз Бурею. В этом месте через своенравную реку будет проложен мост. Пока же на берегу сколоченный из кругляков барак — расположение передового отряда транспортных строителей и чуть ниже по течению подворье немолодой уже четы Бородиных.

Ваня Прусов свел машину на лед, нажал на газ и улыбнулся. По чистому, голубоватому льду машина неслась как по бетонке. Ваня отводил свою шоферскую душу. На скорости, кажется, ему и рассказывалось легче.

— А попал я на БАМ просто. Пришел с работы, жена говорит, что звонил Лукьяненко — мы с ним еще раньше работали. Просил, мол, приехать к нему. Ну я приехал... Сначала к нему, а потом с ним и сюда...

Такую же краткость, сдержанность я замечал в рассказах и других строителей «Донбасса». Поначалу некая будничность их выбора, спокойная рассудительность решения как-то смущали. Хотелось по привычке услышать о доводах, сомнениях, пусть недолгом, но спорном выборе решения. Ведь снимались с родных мест надолго. И куда! На край земли, как говорится. А потом подумалось: похожи рассказы, потому что в основном похожи движения души этих людей: в готовности легко оставить свой истоптанный двор, лестничную площадку, сменить тротуар на просеку.

Машина тем временем выбралась на берег и остановилась у одинокой избы, окруженной подсобными сарайчиками. Это и было подворье Бородиных. Михаил Матвеевич, как рассказал нам по дороге Прусов, охот-

ничают, а баба Паша — по хозяйству. Изба Бородиных значится на Бурее под 18-м номером. Далеко отсюда реки с нанизанными на них городами и селами, где говорят, к примеру, так: Днепр течет от Киева к Черкассам, а ниже Кременчуг, Днепропетровск, Запорожье... Здесь говорят иначе. Невзначай обронила хозяйка:

— Речка бежит от Миколая Иваныча...

Не от города к городу. От Человека к Человеку бежит река. Точным словом баба Паша как бы ожила карту, помогла увидеть того близкого человека из статистических сводок, что мается один-одинешенек на своем квадратном километре.

Михаила Матвеевича мы не застали дома — ушел в тайгу, на охоту.

— Может, подождете, — хлопотала баба Паша, — он к вечеру вернется. Поговорите с ним — дед у меня начетистый.

Хозяйке семьдесят восемь лет, но, если не знать ее возраста, ни за что столько не дашь. Молоды, быстры ее движения, чист голос.

Пока хозяйка хлопочет у большой русской печи, разделившей избу на две примерно равные половины, мы осматриваемся. На стенах фотографии. Простые, любительские карточки. Молодые и пожилые лица, прямые взгляды, форма, какую увидишь лишь в кино. Смотрят со снимка ровесники революции — в перекрестье патронташей грудь, лихо сдвинуты треухи с партизанскими лентами.

— То дедова память, — замечает наш интерес баба Паша. Помолчала и вздохнула тяжело: — Одиноко ему... Друзья-то его все прибрались. А молодые, — переводит она разговор, — то дети наши. Разлетелись по белу свету... Только летом собираются... Ну, давайте к столу, а то совсем я вас заговорила.

На столе вкусно парили пельмени. Теснились тарелки с грибами, белыми и груздями, тугими помидорами и огурцами. Не верилось, что это все свое, непривозное, здешнее.

— А то чье же? — удивилась баба Паша. — Со своего огорода. Здесь все растет — и овощ и цветок. У меня под окнами и гвоздика и гладиолусы... Приезжайте летом, такие букеты подарю...

Баба Паша, сама того не ведая, разрешила давний ученый спор о земледелии вдоль будущей трассы. По се-

верному направлению земли безжизненны — утверждали сторонники одной точки зрения. На взгляд других, боязнь тундровых пространств была «сплошным заблуждением». Оптимисты видели «на пути следования Амурской железной дороги северного направления» луга и огороды, тучные стада. Они уверяли, что сельское хозяйство вдоль трассы может «иметь государственное значение».

Будут вдоль БАМа совхозы, опытные хозяйства. Возможно, кому-то из молодых агрономов, если он поторопится, поможет опыт бабы Паши, старой хозяйки Буреи. Сбережется ли этот гостеприимный дом на самом берегу таежной реки, когда рядом пойдут поезда, когда загудит, загрохочет БАМ? Вряд ли сбережется. Стариков перевезут в поселок, бульдозер, играючи, скovyрнет потемневшую избу. И что-то такое, что уже не сможет повториться, уйдет из жизни. Потом этнографы, наверно, попробуют вернуть утерянное. Подвесьят такую же или похожую керосинку, как эта, под которой читает начетистый дед. Найдут такой же или похожий патефон... Вот отчего так щемит сердце, когда баба Паша бережно ставит на табуретку серую коробку и мы, мешая друг другу, накручиваем соскакивающую ручку. Бессмертные «Три танкиста», старинные романсы, «Комсомольская дальневосточная», никогда не слыханная нами песня о самураях, что хотели сунуться «в наш советский огород»... Кружатся старые пластинки, кружатся годы...

Расчувствовалась баба Паша. Вспомнила такую далекую свою молодость.

— А меня, ребята, убегом брали. В Петров день прямо в церковь увезли. На семнадцатом году половина была...

И пока мы едем обратно в поселок, звучат в ушах старые пластинки, собранные за долгие-долгие годы, видится одинокая изба над широкой, замерзшей рекой.

Где-то впереди, за крутыми поворотами, — «Донбасс». Вот блеснули вдаль его огоньки, робкие и редкие, бессильные пока перед таежной ночью.

Огни «Донбасса». Мы обрадовались им, как радуется, возвращаясь, человек огоньку родного дома.казалось, что большой Донбасс издалека делился с нами своим светом, своим теплом. Молчали попутчики. Быть

может, тоже вспоминали донбасские ночи — сплошное зарево работы. Тот, кто хотя бы однажды видел ночной Донбасс, никогда не забудет его золотые ожерелья. А здесь нечастые, как звездочки в ненастье, огоньки. Точнее так: пока нечастые. На Дальнем Востоке эта поправка обязательна. Ведь перемены здесь так быстры, как нигде. Карты стареют буквально на глазах.

Девятая пятилетка вписала на карты Лучегорск, город энергетиков и шахтеров, порт Восточный, в скором времени самый крупный порт страны, рабочие поселки Ургал, Звездный, Магистральный... По прогнозам уже в десятой пятилетке Ургал перейдет в ранг городов. И вместе с ним — Казачинск, Удокан, Молодежный, Солнечный, Ургал, Чульман... Целое созвездие.

Со временем город обозначат на карте: сначала заметной точкой, потом кружком. Каким он будет? Какой город издавна видится людям? Просторный, зеленый. Дерзкие проекты многих мыслителей несли в себе общую возвышенную идею освобождения человека от путаных темных улочек заброшенных окраин, от подслеповатых окошек покосившихся изб, от тесноты и шума коммунальных, на несколько семей, квартир. И как ни трогательна рубленая изба бабы Паши, старикам будет надежней и удобней в теплой светлой квартире большого нового дома.

В первые же годы Советской власти наши архитекторы приступили к разработке проектов социалистических городов. Многого тогда осталось в чертежах: у каждого времени свои возможности. Города и поселки пристраивали к заводам, как цехи — жилые цехи.

Выбирая, например, проект для Магнитогорска, предпочли тот, который вплотную приближал жилье к работе: «Самое дальнее расстояние для рабочего от дома до станка будет полтора километра, а для большинства 500—700 метров». Однако в Магнитке чуть ли не в один день с пуском первой домны открыли музыкальную школу. Позже построили цирк, поставили прекрасный памятник Александру Сергеевичу Пушкину.

В наше время специальные знания, высокая профессиональная подготовка, общая культура человека, как говорится в партийных документах, превращаются в обязательное условие успешного труда все более широких слоев работников. Но все это в значительной мере

зависит от уровня жизни, от того, насколько полно могут быть удовлетворены материальные и духовные потребности.

Закладывая первые фундаменты, комсомольцы-первостроители мечтают о голубом городе, о самом красивом городе в мире. А проектировщики нередко рассчитывают всего лишь на двухэтажный поселок.

Затем судьба поселка решается по принципу «а если...». А если рядом с электростанцией (рудником, шахтой) построить завод? Ведь есть энергия, вода, тепло, стройбаза. Строят. А что, если привязать к поселку еще один завод? Привязывают и второй, и третий, и четвертый. Новые предприятия приходят со своим жильем, коммунальным хозяйством, детскими учреждениями.

В поселке становится тесно. Начинают говорить о городе на 30—40 тысяч жителей...

Комплексное изучение нового района, конкурс на лучший проект будущего города, дорога на строительную площадку, дом, улица, микрорайон — так должна начинаться стройка, так должен рождаться город. Знаю: эта истина не нова, и она пробивает себе дорогу. В Магнитке стоит бетонная палатка — памятник первостроителям. Тем, кто строит, например, Ургал, поставят другой памятник, потому что они не знают палаточного кочевья и строят не бараки-временки, а многоэтажные дома — одновременно с основным объектом. Одновременно: город и станцию. Когда же строительство города откладывают на «потом», возникают трудности для жителей, особенно для молодых людей, только устраивающих свою жизнь, — трудности, которых можно было бы избежать.

В Ургале, верится, так не будет. Мне посчастливилось быть у его колыбели, и все эти годы я слежу за его судьбой, за первыми шагами.

15 декабря 1974 года строители отряда «Донбасс» избрали первый в истории Ургала поселковый Совет.

Избирательный участок был совсем рядом, в старом вагоне-клубе. Стены украсили еловыми ветвями, над столом повесили большую карту Советского Союза с прочерченным от Донецка до Ургала извилистым путем «Донбасса». Голосовать строители шли по дороге на работу. То воскресенье, как и прошедшее и будущее,

было рабочим. Добровольные летописцы Ургала без устали щелкали фотоаппаратами: что ни говори, а момент исторический — первые выборы!

— Ребята, снимите передового бригадира, — просит парторг стройки.

Бригадир отшучивается:

— Я небритый сегодня, как Кирпичевский.

Леня Кирпичевский заведует клубом. В Донецке он руководил большим Дворцом культуры. Захваченный идеями, он без обид пропускает мимо ушей подшучивания ребят. Ему просто некогда прислушиваться к колкостям. Что-то он придумал сегодня? В первый день на Ургале весь поезд был буквально ошарашен: из динамика вдруг раздались родные голоса: мать, жена, дочь, сын, брат, товарищи... Оказалось, записал голоса Кирпичевский. Приготовил вот такой подарок.

...К девяти часам утра проголосовали все. Среди первых депутатов Ургальского поселкового Совета начальник Укрстроя Николай Иванович Лукьяненко, мастер Сергей Омесь, мотористка компрессора Лариса Негрובה...

Первый поселковый Совет Ургала... Очень скоро будет и городской. Будет город с заводами и фабриками, большим депо, с Дворцом культуры и спортивным комплексом. Будет! Со свежей почтой в «Комсомольскую правду» пришло письмо из Ургала. Пишет делегат XVII съезда ВЛКСМ, член отряда «Харьков» В. Кривоблоцкий:

«Дорогая «Комсомолка»! Пишу тебе с Восточного участка БАМа. Вот уже более полутора лет здесь, в тайге, трудятся молодые посланцы отрядов «Донбасс», «Киев», «Карпаты», «Харьков». Мы создали себе неплохие бытовые условия. Сегодня уже имеем все, чтобы хорошо отдыхать и учиться. Во временном поселке Ургал есть школа и клуб, детский сад и магазин. Работники нашего строительно-монтажного поезда «Укрстрой» стали инициаторами соревнования под девизом «Пятилетке качества — стахановский труд!». А комсомольско-молодежные коллективы, кроме того, борются за приз ЦК ЛКСМ Украины имени Николая Островского.

Сейчас все отряды приступили к строительству капитальных объектов будущего города Ургала. Возведен первый 48-квартирный дом, заложены комплекс больницы, первый крупнопанельный дом и котельная. Наш

город будет очень красивым, потому что каждый здесь отдает делу всю душу.

А еще мне хочется рассказать тебе, «Комсомолка», вот о чем: нас не забывают земляки, те коллективы, где мы работали раньше. Приезжают сюда и творческие группы из Львова, Харькова, Донецка и Киева. Эта забота прибавляет нам силы и энергию. Обещаем, что станция Ургал будет построена досрочно».

* * *

Завершается последняя глава, мое журналистское путешествие в будущий город. Сейчас, когда дописываются эти строки, еще будущий. А завтра, возможно, уже настоящий. Таков ход Дальнего Востока. За ним подчас не успевают газетные репортажи. Тем более книга.

Пока будет она набираться и верстаться, даст ток второй энергоблок Зейской ГЭС, и новый причал Восточного порта примет первые суда, и еще на несколько пролетов продолжится БАМ, и вобьют добровольцы где-то в глуши, в необжитом пока крае первый колышек...

К ним, первопроходцам, с трибуны XXV съезда КПСС обратился со словами сердечного приветия Генеральный секретарь ЦК нашей партии:

— Разрешите мне от имени XXV съезда партии горячо приветствовать героические коллективы первопроходцев, труд которых ставит на службу Родине огромные природные богатства, дает новую жизнь обширным районам Сибири, Севера, Средней Азии и Дальнего Востока, — говорил Леонид Ильич Брежнев. — Пожелаем им, товарищи, успехов в их трудных, но очень нужных стране делах *.

* * *

— Чем же вас привлек Дальний Восток? — добивался я у добровольцев, у старожилов, у новоселов-переселенцев.

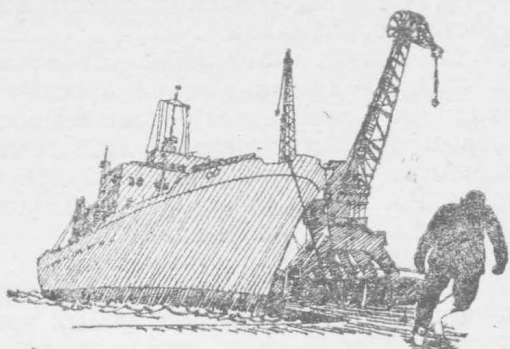
* Л. И. Брежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М., 1976, с. 51—52.

. Смысл ответов можно свести к одному: привольем, простором, размахом.

Любопытно сравнить их с давними ответами.

«...Здесь видишь, какой простор, живи где хочешь, паши где знаешь, лесу тоже вдоволь, рыбы и всякого зверья множество, чего же еще надо? А даст бог, пообживемся, поправимся, всего будет вдоволь, так мы и здесь Россию сделаем...» — так говорили, по словам Пржевальского, наши прадеды.

Раздумывая над этими словами, Александр Фадеев писал в дневнике о необычайной вере нашего народа в возможность преодоления любых невзгод и лишений, о его вере в мощь свою, своего труда. Мы и здесь Россию преобразуем, то есть распространим сюда ту, большую, настоящую Россию, которая везде с нами. Ибо нет предела труду, призванному украшать свою родную землю.

СОДЕРЖАНИЕ

Путешествие	первое. Знакомство	3
Путешествие	второе. Донбасс — Ургал	11
Путешествие	третье. Старожилы	26
Путешествие	четвертое. Первопроходцы	38
Путешествие	пятое. Добровольцы	43
Путешествие	шестое. Граница	70
Путешествие	седьмое. В «страну болот и на- воднений»	77
Путешествие	восьмое. Переселенцы	85
Путешествие	девятое. В будущий город	95

Андрянов В. И.

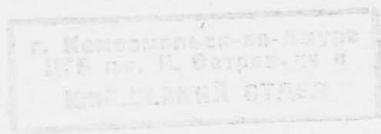
А65 Край комсомольский — наш Дальний Восток.
(Книга в девяти путешествиях и портретах.) М.,
«Молодая гвардия», 1978.

112 с. с фотогр.

Об освоении советского Дальнего Востока, о том, какой вклад внес комсомол в создание отечественной промышленности в этом крае, о городах и стройках, обязанных своим рождением молодежи, о людях, украшающих трудом далекую землю, ставшую родной для многих поколений советских людей, рассказывает эта книга, написанная в форме художественно-публицистических очерков.

ЗКСМ5

А 70302—168
078(02)—78 019—77

ИБ № 868

Виктор Иванович Андриянов

КРАИ КОМСОМОЛЬСКИЙ — НАШ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Редактор **Л. Ильющенко**

Художник **Н. Филиппов**

Фото **В. Кузнецова**

Художественный редактор **В. Кухарук**

Технический редактор **Н. Чеснокова**

Корректоры **Г. Василёва, Н. Павлова**

Сдано в набор 28/IX 1977 г. Подписано к печати 13/VI 1978 г.
A05662. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 1. Печ. л. 3,5 (усл. 5,88) +
+ 16 вкл. Уч.-изд. л. 7,5. Тираж 70 000 экз. Цена 35 коп. Т. П.
1977 г., № 19. Заказ 1087.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типо-
графии: 103030, Москва, К-30, Сушцевская, 21.

35 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ